

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Выпускающая кафедра общего языкознания

Куликов Андрей Анатольевич

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Имена собственные в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» в историко-культурном аспекте (материалы для уроков литературы в 10 классе средней общеобразовательной школы)

Направление подготовки 44.03.01 Педагогическое образование
(с одним профилем подготовки)

Направленность (профиль) образовательной программы
Русский язык

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой: кандидат филологических наук,
Доцент Мамаева Т.Н.

09.06.2020 г.

Научный руководитель: доктор
филологических наук, профессор Васильева С.П.

09.06.2020 г.

Дата защиты _____

Обучающийся Куликов А.А.

22.06.2020 г. _____

Оценка _____

Красноярск 2020

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Литературная ономастика.....	7
1.1 Понятие ономастики.....	7
1.2 Специфика литературного имени.....	8
1.3 Функции имен собственных в художественном произведении.....	12
1.4 Ономастическое пространство художественного произведения.....	15
1.5 Современные проблемы литературной ономастики.....	16
1.6 Литературное имя в лингвокультурологическом аспекте.....	19
Глава 2. Анализ историко-культурного содержания семантики имен персонажей романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	20
2.1 Анализ романа «Преступление и наказание» в культурно-историческом аспекте.....	20
2.2 Характеристика главного героя романа и анализ его имени.....	21
2.3 Второстепенные персонажи романа и их имена.....	26
2.4 Эпизодические персонажи романа и их имена.....	43
2.5 Вывод.....	50
Глава 3. Анализ историко-культурного содержания семантики имен персонажей романа Ф.М. Достоевского «Идиот».....	52
3.1 Анализ романа «Идиот» в культурно-историческом аспекте.....	52
3.2 Характеристика главного героя романа и анализ его имени.....	53

3.3 Второстепенные персонажи романа и их имена.....	55
3.4 Эпизодические персонажи романа и их имена.....	58
3.5 Вывод.....	62
Глава 4. Материалы для факультативного курса в средней школе.....	64
Урок по литературе в 10 классе.....	64
Заключение.....	73
Список литературы.....	75

Введение

Тема

- Имена собственные в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» в историко-культурном аспекте (материалы для уроков литературы в 10 классе средней общеобразовательной школы).

Актуальность

- Важнейшим элементом композиции образа героя является имя, в котором часто заключена онтологическая суть образа. Имена героев Достоевского зачастую отображают символично-мифологическую структуру романов, намечают важнейшие грани характеров персонажей, их функцию в сюжете, высвечивают авторскую позицию по отношению к ним и выражаемым ими идеям, или, наконец, указывают на их собственную принадлежность. В итоге, ономастикой автор выражает идею всего произведения.
- Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом исследователей к антропонимике в художественных произведениях и потребностью в интерпретации ее семантического смысла и художественной функции.
- Антропонимика художественных произведений Ф.М. Достоевского обладает своей спецификой, сочетая исторический, общественный, христианский, семантический смыслы.
- Исследование антропонимов в романах «Преступление и наказание» и «Идиот» будет способствовать как раскрытию художественных функций антропонимики, так и более глубокой разработке образов персонажей, а также проникновению в сущность творческого замысла писателя.

- Теоретическая значимость состоит в том, что анализ имен почти всех героев способствуют дальнейшей разработке теории антропонимики в литературе и выводят исследование на уровень междисциплинарного изучения, привлекающего такие науки, как история, искусствоведение, теология, что позволяет модернизировать традиционные методы литературоведения.

Новизна исследования

- Уделяется большое внимание связи имен персонажей и их характерных черт, судьбы, общественной принадлежности и т.д. Несмотря на некоторую краткость экскурсов в значения имен собственных в романах «Преступление и наказание» и «Идиот», охватываются не только главные герои, но и все персонажи романа, чьи имена представляются в какой-либо степени семантически значимыми.

Цель

- Проанализировать историко-культурное значение имён собственных произведений Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот».

Задачи

- Выявить значение имен в связи с сюжетом и идеей романов.
- Провести анализ антропонимов романов по происхождению и семантике.
- Выяснить возможные варианты образования имен и фамилий персонажей в данных произведениях.
- Выявить основной принцип именования героев в романах.

Структура

- Введение.

- Первая глава включает описание научных работ по литературной ономастике.
- Вторая глава посвящена анализу историко-культурного содержания в семантике имен персонажей романа «Преступление и наказание».
- Третья глава посвящена анализу историко-культурного содержания в семантике имен персонажей романа «Идиот».
- Четвертая глава представляет собой урок по литературе в 10 классе на тему: Имена собственные в романе Достоевского Ф.М. «Преступление и наказание».
- Заключение.
- Список используемой литературы.

Глава 1. Литературная ономастика

1.1 Понятие ономастики

Включает описание научных работ по литературной ономастике.

Изучение имён собственных в художественном тексте занимает особое место в лингвостилистическом анализе произведения.

Искусство давать имена, а также раздел лексикологии, посвященный именам собственным, обозначаются в науке термином ономастика. В основе термина греческое слово *опома*, обозначающее «имя». Этот термин включает в себя понятие процесса номинации и названия науки об именах и именовании (номинации).

Ономастика представляет собой своеобразную лексико-грамматическую и стилистическую категорию, является существенным компонентом образной ткани художественного произведения. Она выступает у каждого писателя, поэта как особенно заметное, стилистически маркированное экспрессивное средство, яркая примета его стиля. Имена собственные образуют так называемый «ономастический мир» художественного текста и творчества писателя, поэта.

В настоящее время формируется новое направление в исследовании имен собственных в художественном тексте, в языке художественной литературы, которое возникает на стыке ономастики со стилистикой, поэтикой, лингвистикой текста, лексической семантикой, семиотикой и т.д. Для обозначения этого направления зарубежные исследователи и учёные ввели термин «литературная ономастика», который стал всё шире употребляться и в России [Фонякова 1990: 34]. В качестве синонима может использоваться и другой термин – «поэтическая ономастика» (связана с изучением поэтического языка в широком смысле), или «ономапоэтика», а также термин «стилистическая ономастика», или «ономастилистика».

Литературная ономастика изучает все особенности употребления имен собственных в тексте художественного произведения, в творчестве поэта, писателя. Соответственно, все аспекты и разделы изучения собственных имен, принципы их классификации в современной ономастике должны прямо или косвенно учитываться в литературной ономастике. Они могут иметь лишь разную актуальность в зависимости от типа художественного текста, его жанра, семантической структуры, широты состава и насыщенности ономастического пространства, эстетической значимости ономастических единиц и т.д.

Литературная ономастика исследует отражение элементов реальной и вымышленной ономастики, их индивидуальное преломление и применение в творчестве каждого писателя и отдельного текста [Фонякова 1990: 7].

Теоретическое описание предмета и методов литературной ономастики в российской филологии началось сравнительно недавно (в конце 20 века).

1.2 Специфика литературного имени

Возросший интерес к изучению имён собственных в художественных текстах объясняется расширением исследований в сфере общей и частной поэтики, стилистики, языка художественной литературы, лингвистики текста, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики. Длительное время поэтическая ономастика интересовала исследователей как прикладная дисциплина, востребованная, как правило, при публикации различных комментариев к художественным текстам, при составлении словарей имен собственных к художественным произведениям [Зинин 1980: 83-89].

На современном этапе поэтическая ономастика рассматривается как самостоятельная научная дисциплина со своим объектом исследования и собственными методами анализа, которая развивается в тесной связи с об-

щей лексикологией, семиотикой, стилистикой, поэтикой и лингвистикой текста в широком аспекте [Фонякова 1990: 27].

Выделение самостоятельной научной дисциплины предусматривает закрепление за ней специализированного наименования. Нередко поиск термина для названия самой научной дисциплины бывает длительным.

В коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» (М., 1986) без каких-либо уточнений синонимично используются термины «литературная ономастика», «поэтическая ономастика», «ономастика художественного текста».

Известны случаи использования термина «литературная ономастика» с учётом жанрового распределения. Например.

- Ономастика поэзии или поэтическая ономастика – лирика, поэмы, баллады.
- Ономастика художественной прозы, или художественная ономастика – рассказ, повесть, роман.
- Ономастика драматургии, или драматургическая ономастика - комедии, драмы, трагедии.

Высказывались возражения против использования термина «поэтическая ономастика». По мнению О.Н. Фоняковой, такой термин применим только для поэтической речи, что может привести к сужению его значения [Фонякова 1990: 30]. Г.А. Силаева считает, что в самом определении «поэтический» уже заключено положительное значение, а термин, как известно, не должен наделяться экспрессией [Силаева 1977: 21].

Выделение «поэтической ономастики» в самостоятельную научную дисциплину предусматривает закрепление за ней необходимой системы терминов, соотносимых с ее спецификой, а также определение основного термина по аналогии с другими научными дисциплинами (ср. лексема для лексикографии, фонема для фонологии, морфема для морфологии и т.д.).

Традиционно при анализе собственных имен в художественной литературе и персонификации художественного образа (одушевленного или неодушевленного) употребляли термины **имя** или **имя собственное**. Применительно к художественным текстам они конкретизировались: **имя действующего лица, имя литературного персонажа, имя персонажа**. В частности, В.А. Никонов дает следующее определение: «имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя выбрано вопреки правде)» [Никонов 1974: 234].

Для поэтической ономастики универсальным термином, соотносимым со всеми типами имен собственных, является **поэтоним**. Этот термин литературоведы использовали для обозначения всех, наделенных определенным поэтическим смыслом (образностью) собственных имен [Суперанская 1973: 30].

Внешняя звуковая характеристика литературных онимов, как и других имен собственных, бесспорно, соотносит их с нарицательной лексикой. Не столь значительны различия между литературными онимами и аппелятивами на словообразовательном и грамматическом уровнях. Проблема возникает при определении понятийности или смыслового содержания имен собственных вообще и литературных онимов в частности.

Существуют различные научные обоснования о наличии или отсутствии у имен собственных смыслового содержания, значения. История вопроса раскрыта в монографии А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного» [Суперанская 1973].

В художественных текстах литературные имена сохраняют те же признаки, которые свойственны всем собственным именам на уровне языка и речи. В то же время есть и принципиальное отличие. Дело в том, что ли-

литературные онимы функционируют в условиях специфики художественного текста, выполняя авторский замысел в реализации идейно-эстетических и иных задач, что дает основание говорить об актуализации их стилистических и иных возможностей на содержательном уровне. В художественном тексте литературные имена в значительной степени сближаются по своим функциональным характеристикам с нарицательными словами художественного текста.

Литературная ономастика возникла на стыке различных гуманитарных научных дисциплин. При анализе литературных онимов используются методы, восходящие к методическим приемам лингвистики, литературоведения, социологии, истории, психологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и других дисциплин. Такое комбинированное наслоение определяется спецификой самой литературной ономастики. Сложный и комплексный характер объекта ономастических исследований «исключает изолированное рассмотрение отдельных имен и выдвигает в качестве предварительного условия для их изучения учет разнообразных факторов, так или иначе влияющих на формирование имеющихся систем, учет лингвистических и экстралингвистических связей отдельных типов имен, связей онимических типов друг с другом и с апеллятивной лексикой» [Теория 1986: 14].

Основным объектом литературной ономастики следует считать опубликованные тексты художественных произведений, на базе которых производится анализ имен собственных с учетом идейного содержания произведения и специфики авторского мастерства. Тем не менее анализ онимов будет неполон без привлечения дополнительных источников, сопутствующих процессу создания художественного текста. К ним, прежде всего, следует отнести авторские черновые наброски, предварительные варианты художественного текста, корректурные листы и др. [Зинин 1980].

1.3 Функции имен собственных в художественном произведении

Исследователями выделяется целый ряд функций имен собственных в художественном произведении.

- Номинативная (дифференциальная, идентификационная) функция.

Давая конкретные, пусть даже самые распространенные, собственные имена персонажам, писатель неизбежно индивидуализирует их, а читатель закономерно идентифицирует художественный образ с тем или иным лицом [Суперанская 1973: 272]. Например, литературные имена Чук и Гек не могут вызвать подобных ассоциаций у читателя, а следовательно, образы оказываются размытыми, такие имена-прозвища могут быть отнесены к любому мальчишке четырех-пяти лет.

- Стилистическая функция.

Проявляется двояко.

Информационно-стилистическая. Информация собственного имени передается в логическом, понятийном виде, и её легко можно описать, выразить словом. Выразителем информационно-стилистических смыслов обычно является внутренняя форма (этимологическое значение) имени собственного. Например, фамилия чеховского унтера Пришибеева сообщает, что дело происходит в России, определяет персонаж как резко отрицательный (идеологический аспект), решающий вопросы с помощью кулака (характеризующий аспект) [Карпенко 1986: 18].

Эмоционально-стилистическая. Функция основана на том, что имя собственное вызывает у читателя определенные чувства, формирует его отношение к изображаемому. Ярким средством проявления эмоционально-стилистической функции литературных имен собственных является их фонетический состав.

У Набокова в работе «Лекции по русской литературе» находим: «Сама фамилия Хлестаков гениально продумана, потому что у русского уха она создает ощущение легкости, бездумности, болтовни, свиста тонкой тросточки, шлепанья об стол карт, бахвальства шалолая и удалства, покори-

теля сердец (за вычетом способности довершить и это, и любое другое предприятие)» [Набоков 1996: 86].

В стилистической функции художественной ономастики на первый план выходит то информационная (чаще), то эмоциональная (реже) сторона. При этом могут быть использованы различные аспекты имени, - отнюдь не только «говорящая» основа или звуковая инструментовка [Карпенко 1986: 20].

- Экспрессивная функция.

Особое внимание экспрессии, которую несет имя собственное, уделяет В.Н. Михайлов [Михайлов 1987: 78-82]. Проанализировав большое количество материала, он попытался выявить и систематизировать те факторы, которые способны создавать экспрессию в именах собственных как категории художественной речи. В работе отмечены основные из них:

1. Отчетливая внутренняя форма имен собственных, созданных писателем, способная охарактеризовать персонажи и выразить какую-либо их оценку. Помещики *Стегунков*, *Зверков* – у И.С. Тургенева в «Записках охотника».
2. Так называемые «бракованные», малоупотребительные и не любимые народом имена. В контексте они способны служить выражением авторской иронии, антипатии к персонажу (*Перепетуя Ельпидифоровна* – у В.И. Даля). Могут также подчеркивать социальное положение персонажа, указывать на его жалкую, неудачную судьбу, например, *Акакий Акакиевич* в повести Н.В. Гоголя «Шинель».
3. Совпадение имени персонажа с именем собственным известного исторического, мифологического лица или другого литературного персонажа. *Алкид* и *Фемистоклюс Маниловы* в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души».

4. Структурные особенности собственных имен. Если имя собственное, выполняя функцию фамилии, представлено в «прозвищной» форме, то есть не оформлено с помощью специфических фамильных суффиксов, то оно способно энергичнее и непосредственнее проявить свою внутреннюю форму. *Прыщ* в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.
5. Экспрессивность фонетического строя имени собственного, звуковая «изобразительность», создаваемая, например, повторами слогов, отдельных звуков, использованием эмоционально окрашенных звукоочетаний. Графиня *Хрюмина* в пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума».

1.4 Ономастическое пространство художественного произведения

Под ономастическим пространством понимается сумма имен собственных, которые употребляются в языке данного народа для наименования реальных, гипотетических и фантастических объектов [Суперанская 1973: 138]. Соответственно, ономастическим пространством художественного произведения (ОПХП) следует считать совокупность всех имен и названий, которые в нем встречаются. Границы ономастического пространства в литературной ономастике могут быть расширены за счет объединения художественных произведений по определенному жанру или временному срезу. Можно очертить ономастическое пространство художественных произведений одного писателя или группы авторов. Более широкое представление о границах ономастического пространства дает анализ совокупности литературных имен собственных конкретной национальной художественной литературы. Пределом можно считать описание ОПХП всей мировой художественной литературы, что допустимо, скорее всего, как теоретическое предположение.

ОПХП выступает подсистемой общей образной системы художественного произведения, с одной стороны, с другой – отражает

специфику авторского творчества, жанровых и стилевых различий, соотношенность содержания художественного произведения с эпохой изображения и временем создания произведения.

ОПХП выполняет важную структурно-организующую функцию, также несет наиболее общую многостороннюю лингвистическую и экстралингвистическую информацию. Ономастическое пространство охватывает часть словаря языка писателя, характеризует его авторскую индивидуальность и уровень мастерства. Полное представление ОПХП возможно осуществить через лексикографическое описание литературных онимов одного, нескольких или всех художественных произведений писателя или группы писателей.

1.5 Современные проблемы литературной ономастики

- Фоновые знания.

Экстралингвистическая информация, заключенная в литературных онимах, называется «фоновыми знаниями». Содержание фоновых знаний представляет собой «сумму сведений, изначально присущих членам данного языкового коллектива на определенном этапе развития» [Карпенко: 108]. Фоновые знания включают в себя сведения о человеке, окружающей его среде, природе, о быте и нравах, о медицине, музыке, искусстве, науке, технике, экономической и политической жизни. Состав и объем фоновых знаний, их характер и актуальность могут изменяться в определенные периоды жизни языкового коллектива: то, что актуально сегодня, завтра может изменить свой статус.

Выделяется три уровня фоновых знаний, входящих в план содержания имен собственных: общечеловеческие знания, общенациональные (общезыковые, страноведческие) знания, краеведческие (региональные) знания. Имя собственное может нести историческую, географическую, социологическую, культурологическую, этнографическую и т.п. информацию.

Фоновые знания всех уровней могут иметь эмоционально-экспрессивную окраску. Безусловно, фоновые знания, содержащиеся в имени собственном, имеют огромное значение для «прочтения» этих имен в канве художественного текста, где наиболее ярко и полно реализуются все коннотации онимов всех разрядов [Сивцова 2008: 10].

- Аллюзивный антропоним.

Литературное имя, как правило, вписывается в художественную ткань повествования и эпохи благодаря историческим и культурным ассоциациям – аллюзиям. Исходя из природы художественного текста как системы знаков, вводится понятие «аллюзивный антропоним».

Аллюзивный антропоним является разновидностью аллюзии и представляет собой текстовый знак, отличающийся от обычных текстовых знаков тем, что способен осложнять его структуру благодаря способности совмещать в одном означающем два означаемых, одно из которых принадлежит иному семиотическому пространству.

Способом актуализации внетекстовой информации, которую осуществляет аллюзивный антропоним, служит вертикальный контекст. Вертикальный контекст понимается как установление ассоциативных смысловых связей между имеющимся текстом и другими единицами культурно-семиотического пространства, которое осуществляется при помощи знаков, связанных с предшествующим культурно-историческим опытом людей.

В исследованиях выделяется прагматический фактор, определяющий особенности возникновения вертикального контекста в аллюзивном процессе в связи с субъектом речи (автором) и адресатом речи (читателем). Умение осуществить диалог с автором и культурным контекстом зависит от компетентности читателя. Художественный текст может быть прочитан на различных уровнях: буквальном (на уровне фабулы), на уровне подтекста (метоническом, метафорическом, символическом, мифологическом, идио-

матическом и др.). Для успешного аллюзивного процесса текст должен быть прочитан и понят на уровне глубинных структур, формируемых аллюзивным антропонимом как репрезентантом с внетекстовыми импликациями. Наличие прагматического фактора придает аллюзивному процессу динамичность [Соловьева 2004: 9].

- Языковая личность автора.

Имена собственные художественного произведения могут рассматриваться как единицы, репрезентующие особенности языковой личности автора. При этом актуален комплекс понятий, активно функционирующих и развивающихся в рамках антропоцентрического подхода в языкознании. Это прежде всего центральное понятие антропоцентрической лингвистики – «языковая личность», а также связанные с этим понятием: «картина мира», «языковая картина мира», «индивидуально-авторская картина мира»; «идиостиль» и «идиолект».

Особенности индивидуально-авторской картины мира любого писателя формируют отобранные им языковые средства, в том числе и имена собственные. Имена собственные выполняют роль опорных, ключевых элементов в проецировании индивидуально-авторской картины мира писателя за счет приобретения ими коннотаций в художественном тексте, а также существенно расширяют и углубляют её понимание за счет присущей им функции быть хранителями многомерной культурологической информации. В некоторых современных работах по поэтическому анализу художественного текста для обозначения индивидуально-авторских (речевых) средств применяется термин «субъективация образа автора».

Эстетическая ценность художественного текста как фрагмента индивидуально-авторской картины мира определяется тем, что, будучи творением одаренной личности и апеллируя к инициативному восприятию разными людьми, он является носителем вневременных нравственных

сведений, идей, умонастроений, смыслов, средоточием духовно-практического опыта писателя [Хализев 2002: 278].

1.6 Литературное имя в лингвокультурологическом аспекте

Свойственная языку кумулятивная функция обуславливает накопление исторической и лингвокультурной информации, особенно в связи с антропонимами. Функционируя в различные исторические эпохи, они накапливают культурный фон, ореол, становясь знаками, символами того или иного времени, личности, события. Накопленная и свернутая таким образом информация имеет свойство разворачиваться при употреблении звуко-буквенного образа и извлекаться из сознания читателя, естественно, при условии, если читатель ранее владел такой информацией. Несомненно, что люди разных эпох активно владеют необходимой им в синхронии информацией. Но для того, чтобы понимать предыдущие национально-ментальные и культурные слои, необходимо изучать историю, культуру, литературу. Каждая эпоха и ее культура имеют специфические особенности, отражающиеся в языке. По мнению Ю.М. Лотмана, такие специфические особенности в совокупности с вербальными средствами формируют лингвокультурные коды.

Глава 2. Анализ историко-культурного содержания семантики имен персонажей романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

2.1 Анализ романа «Преступление и наказание» в культурно-историческом аспекте

Отличительными чертами великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского являются глубина, проникновенность, нравственная сила, недаром именно от него пошло философское течение «почвенничество». Социально-философский роман «Преступление и наказание» - популярный и известный шедевр Достоевского не только в России, но и в мире.

Роман представляет собой яркое и правдивое отражение жизни российского общества середины девятнадцатого века – нищета, алкоголизм, девушки бедных семейств, вынужденные жить по желтому билету (Соня Мармеладова), беспредел ростовщиков (старуха-процентщица Алёна Ивановна).

Данный анализ позволит понять, каким образом Достоевский в поэтиках своих героев отражает действительность той России, так как их имена и фамилии являются «говорящими» - с первого прочтения у читателя легко складывается определенное мнение о личности и характере этих персонажей.

Классифицируется материал, который состоит из имен собственных романа, с точки зрения истории и культуры.

Исследуя данный аспект в романе «Преступление и наказание», взятого для анализа, можно выявить следующие группы именованных:

- Прототипы (соседи, друзья, персонажи других произведений);
- Исторические события (воссоздание исторической правды);
- Описательные (для обозначения места или действия, передать местный и национальный колорит).

- Социальная характеристика (проститутка);
- Психологические особенности (внутренние состояния);
- Культурная (отражение культуры определенного периода);
- Структурные особенности (фонетическая, морфологическая);

Анализируются все имена собственные персонажей романа «Преступление и наказание».

2.2 Характеристика главного героя романа и анализ его имени

Раскольников Родион Романович

Главный герой романа. Романтик, гордая и сильная личность. Он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, ростом выше среднего, тонок и строен. Но в одежде Раскольникова автор подчеркивает его бедность и нищету: его одежда превратилась практически в лохмотья, шляпа была вся изношенная, «вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону». Раскольников – бывший студент юридического факультета, который он оставил из-за бедности и своей теории. Сознание героя мучают два вопроса: «Позволено ли совершать малое зло ради большого добра, оправдывает ли благородная цель преступное средство?» и «Тварь ли я дрожащая или право имею» [Достоевский. Полное собрание сочинений 1974: 354]. Чтобы разрушить их, Раскольников убивает старуху-процентщицу и её сестру Лизавету, которая стала случайным свидетелем первого, запланированного убийства. После убийства Раскольников переживает глубокое духовное потрясение. У героя появляется горячка, он близок к помешательству и суициду. Крах теории Раскольникова означал крах всего, всех жизненных установок. Он теперь отдален от общества, отныне он – раскольник.

Фамилия главного героя «Преступления и наказания» свидетельствует о том, что «в сознании автора страстная любовь Раскольникова к людям, доходящее до полного безразличия к своим интересам и фанатизм в отстаивании своей «идеи», в определенной мере

ассоциировались с расколом, т.е. с определенной стороной исторического самосознания русских народных масс. Следует напомнить, что еще в 1862 году Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков» признал русский раскол «крупным явлением в нашей исторической жизни» [ПСС, 7, с. 342].

Раскол (старообрядство, староверие) – течение, возникшее в середине 17 века в русской церкви как протест против новшеств патриарха Никона (1605 – 1681), которые заключались в исправлении церковных книг и некоторых церковных обычаев и обрядов.

Раскольниками называют тех, кто отделился, отвергнул основное течение. Родион подобно раскольникам откинул нравственные законы и изобрел свою собственную нравственную теорию. Смысл теории заключается в том, что все люди делятся на «право имеющих», кто может переступить некий морально-нравственный рубеж, и «тварей дрожащих», которые должны подчиняться сильнейшему. Обыкновенные люди – лишь существа, предназначенные для воспроизводства себе подобных. «Необыкновенные» - это те люди, которые управляют миром, достигают высот в науке, технике, религии. Они не только могут, а обязаны уничтожать все и вся на своем пути к достижению цели, необходимой всему человечеству. К таким, по мнению Раскольникова, принадлежат и Магомет, и Ньютон, и Наполеон [Альтман 1975: 78].

М.С. Альтман, посвятивший специальный этюд фамилии Раскольникова, пишет: «Петра Великого Достоевский считал первым русским нигилистом, и от Петра же, считал он, находится русская церковь на параличе. Реформы Петра привели к нигилизму в интеллигенции и к расколу в народе. В аспекте этих «двух расколов» приобретает исключительное значение то, что преступление нигилиста Раскольникова принимает на себя один «из раскольников». [Альтман 1975: 80].

В начальных вариантах романа Достоевский намекает на историческое происхождение фамилии – Раскольников. Мать Раскольникова гово-

рит: «Раскольниковы хорошей фамилии... Раскольниковы двести лет известны». «Двести лет известны» - не значит ли это с начала раскола, когда твоя фамилия могла появиться? Раскольников, видимо, и впрямь из раскольников». [Альтман 1975: 70].

Фамилия героя указывает на мучительное раздвоение его личности, раскол души героя на две половинки. Одна часть души его – бескорыстна и по-детски невинна (детская улыбка Раскольникова, детский плач его в первом сне), другая – холодна, самолюбива, переполнена эгоизмом.

А.Л. Бем обратил внимание на возможность двойного толкования фамилии Раскольникова: «Одно – исходит из толкования семантической части, как раскол – раздвоение, другое – выдвигает связь корня с расколом - раскольничеством, одержимостью одной мыслью, фанатизмом и упрямством. Оба толкования вполне законны, ибо в таких случаях возможно самое разнообразное использование звуковых сочетаний в целях оживления известного представления. Во всяком случае, символический характер имени здесь сознательно подчеркнут». [Бем 1972: 278].

Имя Раскольникова – Родион греческого происхождения, имеет несколько версий происхождения. По одной, оно произошло от греческого имени Иродион, означающего «герой», по второй, оно имеет в корне греческое слово, означающее «роза», а по третьей – так могли называть жителя острова Родос [Ирмшер 1989: 506]. Остров Родос славился великими полководцами, так здесь возникает мотив сильных людей, которые смогли переступить через кровь и страдания. Здесь у Достоевского воспроизводится известный афоризм Эзопа: «Здесь Родос, здесь и прыгай!». Эта басня рассказывает о некоем путешественнике, прибывшем на остров и хвастающийся тем, что совершил грандиозный прыжок в длину. В ответ на его хвастовство местные жители предложили продемонстрировать свое умение. Так и Раскольников в романе. Его Родосом становится убийство старухи [Селезнев 1980: 52].

«Милый мой Родя...» По данным Конкорданса, в такой, уменьшительно-ласкательной, форме (Родя, Роденька, Родька) имя главного героя употребляется в романе 126 раз (в полной форме, Родион, - лишь 102 раза). Так его называют все близкие ему люди – мать, Дунечка, Разумихин. В «Преступлении и наказании» читатель узнает имя Раскольников из письма его матери, проникнутого атмосферой общей любви, трогательной заботы друг о друге и самоотверженности ради любимого человека. Такой контекст (где первоначально даже не вполне ясно, «Родя» - это имя собственное или любовное материнское поименование: родной, родненький, родимый) всемерно актуализирует в имени семантику родства, кровной связи с людьми. Имя и фамилия персонажа образуют в романе своеобразный семантический оксюморон (подобный ономастический прием использован Достоевским и в романе «Идиот», также в имени главного героя – Льва Мышкина), где имя – по контрасту – актуализирует в фамилии противоположную смысловую тенденцию, семантика «раскола» в самом широком смысле, то есть распадения, разрушения, разрыва человеческих связей. [Тихомиров 2005: 87].

Отчество Раскольникова – Романович. Роман в переводе с латинского означает «римлян», происходит от греческого «крепость», «сила». В романе говорится, что Раскольников хотел силу в себе испытать и крепость духа, хотел «Наполеоном сделаться». Таким образом, в отчестве героя продолжает развиваться мотив «наполеонов», сильных мира сего.

Трехчленное именование людей – имя, отчество, фамилия - особенность русского языка. Эта трехчленная формула возникла в России во времена Петра 1. Со временем она распространилась на Украине, в Белоруссии и в настоящее время проникает в другие наши республики. Приблизительное время возникновения отчеств – 11 – 12 в.в. Отчество – знак вежливости, почтительного отношения к человеку. В просторечии существует обычай называть человека в знак глубокого уважения к нему не

по имени, а только по отчеству (Михайлович, Андреевич или Михайлыч, Андреич).

Отчества образуются с помощью суффиксов –ович, -овна от всех мужских имен с основой на твердый согласный звук и нулевым окончанием в именительном падеже ед. числа (Роман – Романович) [Петровский 2004: 17].

Интересную интерпретацию имени, фамилии и отчества Раскольников мы находим у С. Белова. Исследователь замечает, что имя Родион по своему звучанию ассоциируется со словом «родина». Раскольников «раскалывает» породившую его мать-землю, «раскалывает» родину Романовых (отчество – Романович). Таким образом, Достоевский выступает здесь предвестником грядущих исторических событий, когда во имя «великих идей» разрешена была «кровь по совести», а родина Романовых, Россия, оказалась расколота в буквальном смысле этого слова [Белов 1979: 87].

Имя главного героя состоит из фамилии, имени, отчества. Достоевский закладывает огромный внутренний смысл в каждый элемент. Через призму имени этого героя видна:

- Идея романа;
- Характер героя, его качества;
- Место героя в социуме;
- Отсыл к историческим событиям того времени;
- Душевное состояние героя;
- Внутренняя семантика родства;
- Имя и фамилия образуют семантический оксюморон.

2.3 Второстепенные персонажи романа и их имена

Раскольников Пульхерия Александровна

Ю. Тынянов, проследивший частое использование Достоевским гоголевских наименований, замечает, что «даже имя матери Раскольникова Пульхерии Александровны воспринимается на фоне Пульхерии Ивановны Гоголя как стилизованное» [Тынянов 1921: 9].

В «Алфавитном списке святых, упоминаемых в месяцеслове православного церковного календаря», Пульхерия означает «прекрасная» (лат.), а Александр (отчество: Александровна) – «защитник людей». По этому поводу Г. Мейер замечает: «Создавая духовный облик Пульхерии Александровны, Достоевский, вне всякого сомнения, думал о Пульхерии Ивановне из «Старосветских помещиков». Все творчество Достоевского есть скрытая, а иногда и открытая полемика с Гоголем. Беспощадного высмеивания, умерщвления человека смехом, вот чего не прощал автор «Преступления и наказания» автору «Мертвых душ» <...> Старосветская помещица, поработенная бездушным обиходом чрезмерно отстоявшегося быта, обнаруживает свою убогую ограниченность и, умирая, уходит в сумерки, серые, как серая кошка, приходившая за своею госпожою, чтобы увести ее в безвестное. И в честь всего неживого сумеречного положили в гроб Пульхерию Ивановну в сереньком платье. Но Достоевский воскресил Пульхерию и, дав ей новое отчество, вдохнул в нее волю к существованию и желание стать прекрасной матерью, защитницей своих детей» [Мейер 1967: 134].

Раскольников Авдотья Романовна

В литературе о Достоевском отмечалось, что возможным прототипом Авдотьи Романовны Раскольниковой послужила Авдотья Яковлевна Панаева, первая любовь писателя. По мнению М.С. Альтмана, совпадение имени героя с именем предполагаемого прототипа является весьма важным

признаком [Альтман 1972: 140]. Кроме того, портрет Дуни в романе сильно напоминает внешность знаменитой красавицы Панаевой. Возможно, что гордый и страстный характер этой выдающейся женщины дал материал для создания характера Дуни. Однако Р.Г. Назиров в статье «О прототипах некоторых персонажей Достоевского» высказал предположение о сочетании в образе Дуни характер Панаевой с легендарным образом святой Агаты, каким увидел его писатель на картине Себастьяно дель Пьомбо «Мученичество святой Агаты» в галерее Питти во Флоренции в 1862 году. Это большое полотно, написанное в 1520 году, представляет собой сцену пытки. Двое римских палачей, пытаясь заставить Агату отказаться от христианской веры и вернуться к язычеству, с обеих сторон подносят к ее груди раскаленные щипцы. Агата (в греко-православной церкви ее называют Агафией), согласно легенде, умерла от пыток 5 февраля 251 года, до конца сохранив стойкость и веру. Р.Г. Назиров считает, что слова Свидригайлова о Дуне: «Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество и, уже конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами», - навеяны картиной Себастьяно дель Пьомбо. [Назиров 1976: 88] .

Дуня – производная уменьшительная форма имени. Это форма имени, образованная от основы документального имени или его народного, разговорного, просторечного вариантов путем «усечения» или с помощью различного рода аффиксов.

Дуня происходит от Евдуня – Евдокия. Производящая основа состоит из звуков, взятых из середины полного имени [Петровский 2004: 16].

Эта форма в отличие от полного имени, носящего официальный характер, служит для называния человека в быту, в кругу семьи, в кругу друзей, товарищей. Каждое имя имеет производные уменьшительные формы. Количество их неодинаково для разных имен. Больше их у имен, широко распространенных, с одной стороны, и давно бытующих, с другой.

Образование производных уменьшительных форм, лишенное на первый взгляд каких-либо закономерностей, на самом деле подчинено строгим законам. Оно происходит в основном по определенным моделям, в нем участвуют определенные структурные типы основ и аффиксов.

Портреты Пульхерии Александровны и Авдотьи Романовны являются прототипами, в которых видна идея запечатлеть людей, повлиявших на жизнь и творчество Достоевского.

Структурно эти имена содержат исходные имена прототипов, меняется только отчество. Через семантику отчества Достоевский отображает определенные качества героини.

Процентщица Алена Ивановна, ее сестра Лизавета

Родион Раскольников идет убивать старуху-процентщицу. Повод – деньги. В романе вообще часто упоминаются различные финансы. Векселя, закладные, ассигнации, двугривенные – ими просто пестрит роман. Современный Ирод идет убивать уже не младенцев (хотя убьет потом и младенца – чистую сердцем Лизавету), но «вошь».

Процентщица – персонаж своеобразный, она не ростовщик в прямом смысле. Она держит ломбард, т.е. является представителем периода первичного образования финансового капитала. Что происходит в это время в России? Крестьянская реформа высвободила большое количество свободных денег, и в стране семимильными шагами шло формирование банковской системы, т.е. того самого финансового капитала. Не будет преувеличением сказать, что Алена Ивановна есть символ новой России. Косвенно, на это указывает ее имя и отчество. С одной стороны, это типично русские имена Алена и Иван. С другой – имя Алена – т.е. Елена, в истории носили замечательные женщины, например, св. царица Елена.

Лизавета же Ивановна символизирует собой Русь уходящую. Будучи моложе своей сестры, она духовно ее старше, ибо живет по евангельским законам. Не случайно Достоевский подчеркивает, что матери у сестер

разные – чистая Русь Святая и современная Россия явно родились не из одного лона, хотя и от одного отца. Эту догадку подтверждает имя героини – Лизавета. Так звали евангельского персонажа – Праведную Елисавету, мать Иоанна Предтечи. Горькой иронией звучит фраза, что Лизавета постоянно была беременна [Кирпотин 1974: 101].

По мнению А.Л. Бема, имя Лизаветы является реминисцентной отсылкой к «Пиковой даме» А.С. Пушкина, заставляя читателя вспомнить Лизавету Ивановну – воспитанницу старой графини, жертвы Германна. В «Преступлении и наказании» Лизавета Ивановна фигурирует в роли «сожительницы» старухи, что соответствует «воспитаннице» пушкинской повести. И та и другая становятся непреднамеренными жертвами обдуманных и рассчитанных действий героев. Совпадение в имени побочной жертвы не случайно; оно выдает скрытую связь между двумя романами Достоевского, связь обоих сюжетов. К наблюдениям А.Л. Бема можно еще добавить, что обе Лизаветы Ивановны невольно облегчают осуществление намерений героев: полученная Германном записка от Лизы и подслушанный Раскольниковым на Сенной разговор Лизаветы с торговцами создают оптимальные ситуации, при которых и тот и другой оказываются один на один со своей жертвой. [Тихомиров 2005: 116].

В именах сестер Достоевский воссоздает историческую правду. Человек с говорящей фамилией Раскольников зарубает топором фигуры, символизирующие Русь – Россию.

Протипом Лизаветы Достоевского стала Лизавета Пушкина.

Мармеладов Семен Захарович

Мармеладов – титулярный советник, отец Сонечки. «Это был человек лет за 50, с отеками от постоянного пьянства, желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то в нем было очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, -

пожалуй, был и смысл, и ум, - но в то же время мелькало как будто безумие». Мармеладов лишился места в связи с сокращением, поэтому и начал пить. Историю жизни Мармеладова мы узнаём из его же уст. Свою слабость и свои пороки герой поднимал до вселенского масштаба, часто вел себя при этом излишне театрально. «Жалеть, зачем меня жалеть! – вдруг завопил Мармеладов, вставая с протянутой вперед рукой, в решительном вдохновении, как будто только и ждал этих слов» [Достоевский. Полное собрание сочинений 1974: 430].

С фамилией Семена Захаровича нет прямых ассоциаций. Возможен такой вариант: «мармелад» - это сладость, мягкая, желеобразная. Очень (даже слишком) сладкий продукт, как и герой романа, его душа не пропитана желчью мира, но жизнь приторна. Основное качество мармелада «мягкий» соответствует чертам характера героя и его манере изъясняться.

Если заглянуть глубже, фамилия еще больше подчеркивает бедственное положение семьи, их нищету, голод и болезни. Семья – порождение неправильно устроенного общества, а фамилия призвана подчеркнуть «сладость» жизни в таком обществе.

Значение этой фамилии раскрыл В. Крипотин: «Все, что несет беззащитному большинству существующий порядок, Достоевский сосредоточил в жизни и судьбе семьи Мармеладовых. Семья Мармеладовых – фокус, в котором преломлены все несчастья неправильно устроенного, эксплуататорского общества, и, как «сладок» этот мир, рисуется уже горько-иронической фамилией, подобранной Достоевским». [Крипотин 1974: 15].

Исследователи считают, что прототипом Мармеладова явился писатель-очеркист, отставной военный Петр Никитич Горский (1826 – 1877), знакомый Достоевскому по сотрудничеству в журналах «Время» и «Эпоха». Пристрастие к спиртным напиткам, послужившее причиной увольнения Горского из армии в 1864 году, привело его в больницу. Литературные заработки Горского были недостаточны и нерегулярны, и он часто вынуж-

ден был влачить самое жалкое существование. По предположению Е.М. Хмелевской, даже гибель Мармеладова под колесами экипажа, возможно, была подсказана такой же смертью одного из героев очерка Горского «Бездольный», напечатанного в 8-9 номере «Библиотеки для чтения» за 1863 год. [Достоевский и его время 1971: 258]. Л.П. Гроссман считает, что в известном смысле прототипом Мармеладова был и первый муж Марии Дмитриевны Исаевой (1825 – 1864) (первой жены Достоевского), Александр Иванович Исаев (? – 1855), мелкий сибирский чиновник, страдавший жестоким запоем. [Гроссман 1935: 23]. Можно предположить также, что образ Мармеладова вообрал в себя и черты младшего брата писателя, инженера и архитектора Николая Михайловича Достоевского (1831 – 1883). Он служил в Петербурге, но уже в начале 60-х годов был без службы по болезни – алкоголизму. Ф.М. Достоевский всегда относился к младшему брату с особенной любовью и состраданием, постоянно помогал ему, почти нищенствовавшему всю свою жизнь. [Волоцкой 1933: 348].

Мужское имя Семен является формой древнееврейского мужского имени Симеон, означающего «слышащий (Бога)», «услышанный Богом в молитве».

В отчестве Мармеладова скрыт намек на его религиозность. В «Алфавитном списке святых» в православном церковном календаре имя библейского пророка Захария означает «память господня» [Белов 1979: 76].

Герой мечтает о том, чтобы его пожалели, сочувственно выслушали, проявили уважение: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти». Однако такого отношения к себе он не встречает нигде. И это не удивительно – Достоевский показывает, что уважение в обществе растет пропорционально материальному благосостоянию человека. И соответственно, нищие люди считаются изгоями, чуть ли не прокаженными, которым нет места среди «нормальных». Осознает это и Мармеладов, с горечью говорящий: «В бедности, - говорит

он Раскольникову, - вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было».

Мармеладова Катерина Ивановна

По свидетельству Достоевской А.Г., в образе Катерины Ивановны нашли отражение многие черты характера Марии Дмитриевны Исаевой, первой жены Достоевского, умершей рано, как и героиня романа, от чахотки. Л.П. Гроссман считает, что в «Преступлении и наказании» «дан и внешний портрет супруги Мармеладова, очевидно, списанный с покойной жены писателя в период ее медленной агонии» [Гроссман 1935: 37].

Достоевский не случайно называет жену Мармеладова именем «Катерина». Подбирая имена своим героям, Достоевский следовал глубоко укоренившейся русской традиции, когда, благодаря употреблению при крещении преимущественно греческих имен, их объяснение привыкли искать в православных церковных календарях. В библиотеке у Достоевского был такой календарь, в котором давался «Алфавитный список святых с указанием чисел празднования их памяти и значения имен в переводе на русский язык». Несомненно, что Достоевский часто заглядывал в этот «Список», давая символические имена своим героям. «Екатерина» в переводе с греческого на русский язык означает «всегда чистая». Действительно Катерина Ивановна гордится своим образованием, воспитанием, своей «чистотой». Когда Раскольников первый раз приходит к Соне, то она защищая Катерину Ивановну от его несправедливых обвинений, раскрывает семантику ее имени: «Она справедливости ищет... Она чистая» [Белов 1979: 68].

Катерина – разговорная форма имени, производная форма от документального имени Екатерина, образовавшаяся в разговорной речи. Из-

менения, происходящие при образовании этой формы, сравнительно небольшие: упрощение имени для удобства произношения, быстроты называния [Петровский 2004: 13].

Мармеладова Соня

София, Софья – это одно из любимых имен Достоевского. Имя это означает «мудрость», «разумность», «наука». И, действительно, в душе Сони Мармеладовой заключена такая неизбывная мудрость, такое величие, как и в Библии, в древнейшей книге, известной человечеству. И кажется, что образ Сони Мармеладовой – это патриархальный образ всех женщин, матерей, сестер, монахинь, воительниц. Фамилия Мармеладова – это ирония, связанная со «сладкой» жизнью семьи Мармеладовых, и сон в котором как бы все время пребывает Соня, оставаясь чистой духовно и запятнанной в обществе. Софья – это еще и библейское имя матери трех мучениц Веры, Надежды и Любви. И именно Соня Мармеладова аккумулирует в себе веру, надежду и любовь [Селезнев 1980: 210].

Соня – разговорная форма имени Софья. Изменения, происходящие при образовании формы: замена отдельных звуков [Петровский 2004: 103].

Вера – основная составляющая жизни Сони. Без веры она слаба и беспомощна, вместе с нею – она сильна и мужественна. Соня не может защитить себя, а вот свою веру она готова защищать до последнего вздоха, и если надо пойдет за нее на костер. Наверное, такими как Соня Мармеладова были первые христианские мученики, умиравшие за веру. И Соня тоже мученица, ибо она приносит себя в жертву на алтарь своей семьи и других людей.

Там, где вера, там живет и надежда, неразлучная сестра ее. Надежда эта тоже всепоглощающая и величественная, ибо это надежда на грани веры. Соня верит, что Раскольников раскается, Соня верит, что Екатерина Ивановна хорошая, верит, что Полечка не пойдет по тому же пути, что и

она. И еще Соня надеется и знает, что за муки и страдания на этом свете, обязательно воздастся в следующей жизни, хотя может быть этой будущей жизни вовсе нет, но где-то в глубине души Соня надеется, что и она вместе с Лизаветой «Бога узрит». И ее надежда оправдывается в конце, когда она понимает, что Раскольников любит ее [Альтман 1975: 82].

Соня Мармеладова – это, вообще, символ любви. Когда мы просто слышим упоминание ее имени, сразу же на ум приходит одно слово - любовь. Автор дает нам пример всеобъемлющей, всепрощающей любви, которую испытывает Соня Мармеладова. Любовь эта не завистлива, не требует ничего взамен, она даже какая-то невысказанная, ведь Соня никогда не говорит о ней. Она переполняет все ее существо, но никогда не выходит наружу в виде слов, только в виде поступков. Это безмолвная любовь и от этого она еще прекрасней. Даже отчаявшийся горемыка Мармеладов преклоняется перед нею, даже сумасшедшая Катерина Ивановна падает перед ней ниц, даже вечный развратник Свидригайлов уважает Соню за это. Не говоря уже о Раскольникове, которого эта любовь спасла и исцелила. Соня Мармеладова видится нам как высшее существо, сочетающее в себе только эту любовь вкупе с верой и надеждой. Она как праматерь всего человечества, когда люди еще были чистыми, светлыми и были равны Богу. Поэтому святых и называют равноапостольными [Бем 1972: 265].

Мармеладовы показаны все разными людьми, хотя это одна семья. Фамилия индивидуализирует персонажа в глазах читателя.

- В фамилии видно социальное значение. Семья Мармеладовых – фокус, в котором преломлены все несчастья неправильно устроенного, эксплуататорского общества, и, как «сладок» этот мир, рисуется уже горько-иронической фамилией.
- Фамилия несет внутреннее этимологическое значение. Основное качество мармелада «мягкий» соответствует чертам характера героя

и его манере изъясняться. Таковым и был в большинстве своем Семен Захарович.

- Отсылка на религиозность в отчестве Семена Захаровича (означает «память господня»).
- Образ Катерины Ивановны прототипный. Многие черты характера взяты с первой жены Достоевского Марии Дмитриевны Исаевой.
- Сонечка, Софья. Внутренняя этимология. Она действительно мудрая.
- Отсылка на религиозность. Софья - библейское имя матери трех мучениц Веры, Надежды и Любви.

Свидригайлов Аркадий Иванович

Аркадий Свидригайлов – едва ли не самый сложный для читателя и исследователя из всех героев романа. Никогда не однолинеен. Он злой сластолюбец и циник, но, с другой стороны, совершает много добрых дел, на которые другие герои не способны. Большое противоречие как во внешности и поведении, так и в характере Аркадия Свидригайлова отражается в его имени. Одновременно резкий диссонанс в его имени как раз совпадает с явным контрастом между представительной и даже привлекательной внешностью Аркадия Ивановича и его душой.

Трудность распознавания жизненной позиции Свидригайлова и причин его добровольного ухода из жизни усугублена и тем, что в его случае романист как бы нарочито забывает о своем праве знать самые сокровенные начала и мотивы всех своих персонажей и практически нигде сам не открывает читателю тайные намерения данного героя. Не предоставляет Достоевский и свидетельств и улик, неопровержимо убеждающих его читателей в виновности Свидригайлова в смерти его жены Марфы Петровны и слуги Филиппа [Белов 1979: 59].

Современникам Достоевского было знакомо это имя еще до появления романа «Преступление и наказание». Так, «Искра» в №26 за 14 июля 1861 года сообщила о бесчинствующем в провинции некоем Свидригайлове (по

всей видимости, «Искра» употребила это имя как нарицательное): Свидригайлов – «человек темного происхождения, с грязным прошедшим, личность отталкивающая, омерзительная для свежего честного взгляда, вкрадчивая, вползающая в душу. И эта низкая, оскорбляющая всякое человеческое достоинство, ползающая, вечно пресмыкающаяся личность благоденствует...»

Но первоначальный толчок фамилии героя романа мог дать великий князь литовский Швитригайло (Свидригайло). Напомним, что Достоевские происходили из старинного литовского рода, представители которого с 16 века упоминаются в различных документах юго-западной Руси. Интересуясь историей своего рода, Достоевский мог обратить внимание и на этимологический состав фамилии Свидригайло: вторая часть этой фамилии – гайл – означает по-немецки (geil) – похотливый, сладострастный [Гроссман 1935: 30].

Отрицательный этимологический состав фамилии мог связаться и отрицательным персонажем в фельетоне «Искры», а затем уже Достоевский при выборе этой фамилии использовал одновременно и звуковую, и смысловую ассоциации. Фамилия Свидригайлова отражает странную, полную внутренних изворотов личность этого персонажа, и эта странность и изворотливость чувствуется и в звуках этой фамилии [Белов 1979: 82].

Его имя в переводе с древнегреческого означает «уроженец Аркадии, житель Аркадии, пастух» [Тихонов 1995: 61]. Природные же картины греческой Аркадии служили для античных римских поэтов «фоном для описания идиллических сцен из пастушеской жизни» [Ирмшер 1989: 46]. Отчество Свидригайлова образовано от древнееврейского имени «Иван», означающего «Яхве (Бог) помиловал; Бог милует; благодать Господня» [Тихонов 1995: 180].

Если имя Аркадий предполагает у его носителя скорее естественные, чем нездоровые устремления, а отчество, не исключая в данном человеке таких разных качеств, как доброта и жестокость, любовь и гнев, обещает

ему покровительство Творца, то весьма необычная, для русского слуха, ассоциирующаяся с какой-то жестокой неразгибаемой спиралью фамилия Аркадия Ивановича вносит в его антропоним по меньшей мере резкий звуковой диссонанс. В этимологическом составе этой фамилии для Достоевского была наиболее важна «вторая часть», «гайл», требующая при произнесении наибольшего артикуляционного акцента и означающая по-немецки – «похотливый, сладострастный» [Лошкарева 2007: 11].

Так же имя Свидригайлова может быть связано с образом жизни и достижениями американцев.

«Место хорошо, - говорит он, - коли тебя станут спрашивать, так отвечай, что поехал, дескать, в Америку» [Достоевский. Полное собрание сочинений 1974: 415].

Мотив Соединенных Штатов Америки, возникший в конце «Преступления и наказания», получит широкое развитие в заключительном звене романного «Пятикнижия» Достоевского – «Братьях Карамазовых».

Называя американцев «машинистами», Дмитрий Карамазов подразумевает не их технические и промышленные достижения, а прежде всего их рационалистичность и утилитарный прагматизм в отношении к окружающим людям. В этом с ним, думается, солидарен и Свидригайлов, который не случайно однажды говорит о необычной «широте» русского человека, как, очевидно, свойстве и собственной личности. Вот почему и нужен для него задуманный им «вояж» в Америку. В этом суть погружения в дьявольскую тьму вечного небытия.

Слово «Америка» своей начальной гласной, а также равным количеством гласных и согласных звуков точно соответствует имени Свидригайлова – Аркадий. Это значит, что и тот метафорический смысл, который вкладывает в него Свидригайлов, также предсказан смыслом его жизни. Жизнь аркадских пастухов античными поэтами (например, Вергилием) представлялась как идиллически-безмятежное единение человека с природой.

дой и животными (овцами, козами), которых аркадский пастух охранял и у которых многому учился. Однако с утверждением христианства такое существование человека неизбежно открывалось уже как сугубо телесное и поэтому враждебное духовности. По преимуществу с животным миром своими необузданными половыми вожделениями, намек на которые содержит и его фамилия, вольно или невольно сближает себя и Аркадий Свидригайлов. Так и в самом деле имя данного героя становится предсказанием той его кончины, которую он уподобил своей поездке в Америку [Селезнев 1980: 215].

Лужин Петр Петрович

К двойникам главного героя «Преступления и наказания» традиционно относят тех персонажей романа, которые, при наличии у них общих черт с Раскольниковым, тем не менее, в своей нравственной основе являются не столько его подобиями, сколько антиподами.

Первым из них в сюжетном действии «Преступления и наказания» выступает Петр Петрович Лужин. Своим отчеством, а также звучанием фамилии он напоминает одного из эпизодических персонажей романа Достоевского «Бедные люди» (1846) – Павла Петровича Лыжина, стряпчего, занимающегося хождением по разным искам и тяжбам. Лужин – «человек такого же пошиба» [Альтман 1975: 171].

В имени Лужина для Достоевского наиболее важна сама семантика слова «Петр», в переводе с греческого означающего «скала, каменная глыба», «камень» [Тихонов 1995: 284]. Основные свойства камня – тяжесть, крепость, заведомые бездуховность и бездушность. Если два первые его качества позволяют камню служить краеугольной опорой какого-то массивного и долговременного сооружения, то от последних его свойств на человека веет холодом и жестокостью. А ведь в антропониме Лужина его каменная составляющая к тому же заявлена дважды – не только именем, но и патронимом.

Сложнее дело обстоит с фамилией героя – Лужин. Не заключая в себе явной смысловой характеристики, она способна достичь этого результата косвенно – через звуковую ассоциацию с известной эгоцентрической максимой французского короля Людовика 15: «Après moi le déluge» («после меня хоть потоп»). По крайней мере, гипотетически можно соотнести фамилию Лужин в ее корневой части «луж» и с французским прилагательным «louché», в семантике которого, наряду со значением «косой, косоглазый», есть и значение «двусмысленный, подозрительный», а в том случае, когда это прилагательное выступает в функции существительного («le louché») – «нечто подозрительное, темное».

Лебезятников Андрей Семенович

Значение этой фамилии Достоевский определил сам в черновых записях к роману: «У Разумихина доказывает он <Раскольников> главное, что необходимо иметь обеспеченье 5000 с самого начала, чтоб стать на твердую дорогу, не то будешь подличать, лебезить, поддакивать <...> картина лебезятничества перед Лужиным в случае нищеты» [ПСС, 7: 150]. Эта же фамилия встречается в рассказе Достоевского «Бобок» (1873). Комментируя вышеприведенную черновую запись, М.С. Альтман пишет: «В этом тексте «лебезить», «лебезятничество» звучит еще нарицательно, а затем это понятие в образе Лебезятникова уже персонифицируется, и к Лебезятникову из рассказа «Бобок» автор делает пояснение: «льстивый... надворный советник... по имени оказался Лебезятниковым» [Альтман 1975: 168].

В каком-то аспекте Лебезятников Андрей Семенович <в «Преступлении и наказании»> приходится «духовным сыном»

Лебезятникову Семену Евсеевичу <в «Бобке»>: «отец» лебезил перед лицами старше чином, ну а «сын», тот лебезит перед молодым нашим поколением; оба Лебезятниковы льстивые, лебезящие...» [Альтман 1975: 170]. С вышеприведенным происхождением фамилии Лебезятникова, в котором Достоевский хотел дать сатиру на «нигилизм» и «нигилистов», связана и другая черновая запись к роману: «Нигилизм – это лакейство мысли. Нигилист – это лакей мысли» [ПСС, 7: 202].

В. Кирпотин справедливо указывает, что «если Лебезятников исчерпывался намерениями Достоевского, то образ оказался бы полной неудачей. Мало того, он стал бы одним из проявлений того страшного и несправедливого мира, против которого восстал Раскольников и наиполнейшим выражением которого в романе является Лужин. Но Достоевский был слишком большим художником, чтобы ограничиться голой предвзятостью. Достоевский заботливо проводит водораздел между Лебезятниковым и Лужиным... Честное сердце Лебезятникова не выдержало – он вступился за Соню, он раскрыл весь механизм подлой мошеннической затеи Лужина... Карикатура кончилась, художник победил памфлетиста. Ведь по первоначальному замыслу Достоевский собирался вывести Лебезятникова в качестве малодушного труса, отрекающегося от того, что видел, и тем самым помогающего погубить Соню» [Кирпотин 1974: 260].

Порфирий Петрович

Первоначальный толчок этому имени-отчеству мог дать образ Порфирия Петровича в «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина, на который Достоевский обратил внимание еще в 1861 году в журнале «Время» в своей статье о русской литературе.

В «Алфавитном списке святых, упоминаемых в месяцеслове православного церковного календаря», Порфирий означает «багряный» (греч.). Используя это значение имени Порфирия Петровича, Д.Н. Брежневский пишет: «Убив ростовщицу и её сестру и переступив тем самым

ветхозаветную заповедь «не убий», Раскольников вступает в конфликт сразу с двумя правдами – божьей и человеческой. Религиозное начало представлено в романе Соней Мармеладовой, правовое начало – Порфирием Петровичем. Соня (София) и Порфирий – божественная мудрость и очистительный огонь» [Брецинский 1971: 6].

Брецинский отмечает также, что в имени и отчестве, возможно, есть намек на монаршую власть – порфира (пурпурная мантия монарха) и Петр (первый русский император). Так же еще одно наблюдение Брецинского над отсутствием фамилии у следователя: «Порфирий Петрович – единственный крупный персонаж «Преступления и наказания», не получивший фамилии. Это указывает не только на обособленность его функции в романе и фундаментальную загадочность его образа, так до конца и не раскрытого, но и на интимность и непосредственность изображения Порфирия, не нуждающегося в установлении фамильных уз» [Брецинский 1971: 8].

2.4. Эпизодические персонажи романа и их имена

Липпевехзель Амалия Ивановна

Мармеладов дважды называет свою хозяйку Амалия Федоровна; Катерина Ивановна пренебрежительно называет ее Амалией Людвиговной, хотя ее зовут Амалией Ивановной. В.Н. Топоров отмечает в связи с этим «одну особенность имен у Достоевского: их некоторую умышленность, произвольность, эфемерность, расплывчатость их границ» [Топоров 1973: 257].

«Замечательно, - писал сотрудник «Петербургского листка», - что квартирные хозяйки, по большей части, немецкого происхождения – чисто русские попадаются весьма редко». В романе две квартирные хозяйки, обе немки: Амалия Ивановна Липпевехзель, у которой живут Мармеладовы, и Гертруда Карловна Реслих, хозяйка Свидригайлова [Данилов 1933: 255].

Достоевский «обыгрывает» фамилию хозяйки Мармеладова, делая нелепое сочетание из двух совершенно разных слов: Lippe (нем.) – губа и вексель [Белов 1979: 69].

Клопшток Иван Иванович

В «табелях о рангах» статский советник – гражданский чин пятого класса. Отметив, что Иван Иванович Клопшток носит фамилию немецкого поэта, прозаика и драматурга Фридриха Клопштока (1724 – 1803) [Белов 1979: 72].

Сугубо русские имя и отчество в сочетании с фамилией знаменитого немецкого поэта звучат не только иностранно, но и странно. Достоевский здесь явно следует традиции Гоголя, в «Невском проспекте» которого в соседстве с заурядными фамилиями – Пискарев и Пирогов – курьезно звучат Шиллер и Гофман, тем более, что фамилиями немецких романтиков наделены жестянщик и сапожник, изображенные сугубо реалистически.

О Клопштоке у Достоевского имеется лишь одно беглое упоминание, но очень характерное: этот статский советник не заплатил Софье Мармеладовой за шитье рубашек и «погнал ее, затопав ногами, и обозвав неприлично, под видом будто бы рубашечный ворот сшит не по мерке и косяком». Этим рассказом Достоевский как бы говорит – вот, значит, каковы они в реальной действительности, эти, только по имени лишь романтики, так называемые Клопштоки...

В «Правде и поэзии моей жизни» Гете рассказывает о Клопштоке: «Сначала удивлялись, как такой замечательный человек носит такую странную фамилию, но к этому скоро привыкли и скоро перестали заниматься значением этих слогов». По-немецки «клопшtos», как и «клапштосс», означает особый удар кием в бильярдной игре. Но для Достоевского, всегда склонного семантизировать фамилии, и само звучание фамилии «Клоп-шток» не без значения.

Свидетельством того, что при создании «Преступления и наказания» писатель Клопшток был в памяти Достоевского, является упоминание в черновиках романа фамилии книгоиздателя Чебарова, который Клопштока издал [Альтман 1975: 163].

Вахрушин Афанасий Иванович

Фамилия, образованная из соединения двух действительных купеческих фамилий – петербургских купцов Вахрушевых и известного московского купца Бахрушина. Купеческие фамилии носят у Достоевского черты традиционные [Бем 1972: 263].

Капернаумов, портной

Символический характер этого имени вполне очевиден. Он связан с евангельским городом Капернаумом. В черновых записях к роману, так же как евангельская блудница Мария Магдалина из города Магдала, близ Капернаума, Соня Мармеладова идет за Раскольниковым «на Голгофу...»

Также в этом имени видна переключка Достоевского с Бальзаком. Таинственный и роковой Капернаум Бальзака («История тринадцати») превращен Достоевским в квартиру портного Капернаумова. Все это описание лабиринта внутри трущобного дома, сцены слежки и подслушивания, наконец, весь ход событий, приведших к катастрофе, не позволяют сомневаться в том, что совпадение здесь не случайно [Анциферов 1923: 89].

Фамильярно-бытовое значение слова «капернаум» в просторечии – веселое «заведение», кабак. Если вспомнить, что в «Преступлении и наказании» включены хотя и не полностью, материалы другого, писавшегося одновременно, романа «Пьяненькие», а «капернаумами» во второй половине 19 века, да и позже, назывались «питейные заведения» и трактиры, то фамилия «Капернаумов» не покажется нам неуместной в этом романе. Возможно, что Капернаумовы в «Преступлении и наказании» лишь бегло упоминаемые, в первоначальном замысле Достоевского играли более значительную роль и, конечно, в романе «Пьяненькие», сильнее, чем в

«Преступления и наказания», должна была ощущаться неслучайность того, что дочь пьяницы Мармеладова, завсегда капернаумов, живет в семье Капернаумовых. Но и в «Преступления и наказания», не без авторского умысла, мы впервые слышим о Капернаумовых от пьяного Мармеладова, и именно тогда, когда он находится в «капернауме» [Альтман 1975: 55].

Настасья, кухарка

Хозяйская прислуга Настасья не случайно носит это имя: Анастасия означает «воскрешение» (греч.). И это очень важно. Настасья, как и Пульхерия Александровна, - символ матери-земли. И хотя Раскольников надругается над породившей его матерью-землей, она в лице Настасьи по-прежнему заботится о нем, верит в его воскресение. В этой заботе и в этой вере – залог возрождения Раскольникова [Белов 1979: 80].

Разумихин

Сама фамилия Разумихина подчеркивается постоянно и многообразно: Лужин, ошибаясь, называет Разумихина «Рассудкиным», а Свидригайлов говорит: «Я слышал что-то о каком-то господине Разумихине. Он малый, говорят, рассудительный (что и фамилия его показывает)». «Разумихин вовсе не разумный, а всего лишь рассудительный человек, - пишет М. Альтман, - «господин Рассудкин», как его аттестуют, хотя и пренебрежительно, но в конечном счете справедливо, и Лужин, и Свидригайлов» [Альтман 1972: 191]. В черновых записях к роману Достоевский в одном месте написал «Рахметов» вместо «Разумихин» [ПСС, 7: 71]. По этому поводу В. Кирпотин замечает: «Это – описка, однако описка не случайная. Создавая образ Разумихина, Достоевский помнил о Рахметове из «Что делать?» Чернышевского. По авторскому замыслу Разумихин должен был явиться тем спасительным героем, каким в «Что делать?» выступает Рахметов» [Кирпотин 1974: 273]. «Самая фамилия Разумихина также подчеркивает принадлежность друга Раскольникова к кругу демократического

студенчества 1860-х годов с присущей последнему высокой оценкой разума, противопоставленного авторитету» [ПСС, 7, 372]. М. Альтман считает, что в Разумихине, вероятно, отражены, на что намекает и сходство их фамилий, некоторые черты сверстника братьев Достоевских Ивана Умнова [Альтман 1975: 191].

Сам Разумихин говорит, что его фамилия Вразумихин. «Я вот, изволи-те видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня величают, а Вразумихин, студент, дворянский сын».

Миколка

Очень важно, что Миколку из сна Раскольникова зовут так же, как и красильщика Миколку. Оба они носят имя этого святого угодника. Достоевский был величайшим диалектиком, и поэтому антиподом чистого и невинного сердцем Миколки-красильщика, готовому «страдание принять» за несовершенное убийство, является пьяный деревенский парень Миколка, насмерть забивающий лошадь. Между этими двумя Миколками, между верой и неверием и мечется Раскольников, связанный с обоими неразрывно: с одним – круговой порукой греха, с другим – надеждой на воскрешение [Лошкарева 2007].

Тождество имен сугубо подчеркнуто использованием достаточно редкого производного варианта: Николай/ Миколка. Два Миколки в романе как бы воплощают два «лика» русского народа, народной души. Здесь Достоевский оказывается близок концепции Г.П. Федотова, который писал: «Хорошо было бы раз и навсегда отказаться от однозначных характеристик народной души. Ни один типический образ не может определить всей нации. И если необходима типизация – а в известной мере она необходима для национального самосознания, - то она может опираться скорее на полярные выражения национального характера, между которыми располагается вся скала переходных типов. Формула нации должна быть

дуалистична. Лишь внутренняя напряженность полярностей дает развитие, дает движение - необходимое условие всякой жизни». Только взгляд на двух Миколок как на полярные проявления народного духа дает ключ к истолкованию художественной функции этого имени в романе. Николай – «победитель народов» (греч.). Это прочтение вызывает ассоциацию с Наполеонами, «установителями и законодателями человечества» из раскольниковской теории, которые «были особенно страшные кровопроливцы». Но в подготовленных материалах Соня говорит Раскольникову: «А вы будьте кротки, а вы будьте смиренны – и весь мир победите, нет сильнее меча, кроме этого». Так утверждается два противоположных, взаимоисключающих пути к победе над миром – через кровь или через смирение. Два Миколки в романе символическое обозначение этих путей. Двойственный, двоящийся, двуединый образ Миколки в «Преступлении и наказании» - ключ к постижению «незавершенной и нерешенной» души России. [Тихомиров 2011: 87].

В имени отражается социальная и историческая составляющая русского человека, его души, внутреннего состояния.

Чебаров

Как указал А.С. Долин, за этим, слегка измененным именем скрывается поверенный издателя Достоевского Ф.Т. Стелловского Иван Петрович Бочаров. А.Л. Бем отметил, что фамилию Чебаров Достоевский использовал для своеобразной «литературной мести»: «Адвокатский «крючок», предъявивший иск к Раскольникову от имени его квартирной хозяйки Зарницыной, носит имя Чебаров и был в чине надворного советника. Поверенный издателя Стелловского, испортивший столько крови Достоевскому в связи с работой над «Игроком» для собрания его сочинений, был надворный советник Бочаров» [Бем 1972: 248].

Илья Петрович

Несколько раньше Достоевский сам разъясняет значение имени помощника квартального надзирателя: «Но в эту самую минуту в конторе произошло нечто вроде грома и молнии». А несколько позже снова повторяется эта же характеристика Ильи Петровича: «Опять грохот, опять гром и молния, смерч, ураган!». Достоевский иронически называет помощника квартального надзирателя именем громовержца пророка Ильи и именем апостола Петра, означая «камень» (греч.). И «грозный», как пророк, и «твердый», как апостол, Илья Петрович старается оправдать свое имя [Белов 1979: 38].

Никодим Фомич

В июне 1865 года Достоевский получил повестку явиться в полицейскую контору по делу о назначенной ему описи имущества за неплатеж по векселям. Повестка была подписана квартальным надзирателем Макаровым. Л.П. Гроссман предполагает, что в лице Никодима Фомича в «Преступлении и наказании» изображен этот квартальный надзиратель, с которым Достоевский улаживал 6 июня 1865 года щекотливое дело о предстоящей описи имущества [Гроссман 1935: 40]. Достоевский иронически называет квартального надзирателя именем Никодим, что означает «побеждающий народ» (греч.).

Шелопаев

Г.Ф. Коган предполагает, что именем Шелопаева Достоевский заклеил здесь «безграмотного» петербургского второй гильдии купца Федора Тимофеевича Стелловского (1826 – 1875), с которым он вынужден был «при обстоятельствах ужасных» на крайне тяжелых для себя условиях заключить контракт на издание полного собрания своих сочинений, включая и роман «Преступление и наказание». Подтверждением этого можно

считать то обстоятельство, что впервые имя Шелопаева появляется на тех же страницах записной тетради к роману, где речь идет о Чебарове, то есть Бочарове, поверенном Стелловского [ПСС, 7: 372].

Дуклида, проститутка

Характерный для Достоевского парадоксальный способ образования имен и фамилий: проститутку зовут именем святой мученицы Дуклиды (она занималась погребением убитых христиан, за что была побита камнями). Вместе с тем, как и обычно у Достоевского, в имени заложен и глубокий символический смысл: всякая грешница может стать святой, как Мария Магдалина, как Сонечка Мармеладова [Бем 1972: 275].

2.5 Вывод

Достоевский через имена показывает свою глубину, проникновенность, нравственную силу. В именах он отражает свое мнение о личности и характере персонажей. Имена героев, которые использует Достоевский, формируют у читателя свое собственное отношение. Кто прав, кто виноват. Кто добрый, кто злой. Кто преступник, кто жертва.

В имя главного героя Достоевский вкладывает историческое отражение действительности, сформировавшуюся жизненную позицию, философию, хоть и не созидательную.

В фамилии Раскольникова отражаются внутренние психологические особенности. Он расколот на две части. Раскольников откинул человеческие законы и изобрел свою собственную теорию. «Тварь я дрожащая или право имею?» Корень раскол- можно связать с историческими событиями того времени – раскол церкви, старообрядство, староверие. Достоевский использует суффикс -ник-, чтобы показать мышление героя через такую «форму деятельности», ведь можно было взять фамилию Расколов или Расколченко.

В начальных вариантах романа Достоевский намекает на историческое происхождение фамилии – Раскольников. Мать Раскольникова говорит: «Раскольниковы хорошей фамилии... Раскольниковы двести лет известны».

Второстепенные герои романа также несут в своих именах внутренний мир. Здесь можно увидеть прототипы (Свидригайлов, Вахрушин), религиозные мотивы (Капернаумов), заимствование чужой фамилии (Клопшток), словообразование (Липпевехзель), стилизация имени (Пульхерия Раскольникова), внутренняя семантика имени (Мармеладовы).

Фамилия Мармеладов ассоциируется со сладостью, с мягкостью, но через призму оптимистичного Достоевский показывает пессимистичную действительность – титулярный советник Семен Захарович, находящийся в постоянном пьянстве, образованная воспитанная жена Катерина Ивановна, умирающая от голода, Соня – добрая, самоотверженная, благородная девушка, которая должна работать проституткой.

В образ Катерины Ивановны Достоевский привносит черты характера своей первой жены и, может быть, она была прототипом Катерины Ивановны. Автор использует прототипы в случае со Свидригайловым Аркадием Ивановичем, Порфирием Петровичем, Чебаровым и т.д.

Через имена в романе передаются исторические события, социальные характеристики героев, психологические особенности, отражение определенного периода.

Глава 3. Анализ историко-культурного содержания семантики имен персонажей романа Ф.М. Достоевского «Идиот»

3.1 Анализ романа «Идиот» в культурно-историческом аспекте

В романе Достоевский изображает идеального человека, каких вокруг него не было; человека, о каком автор, может быть, только мечтал – и, представив его читателям, Достоевский не мог нарушить правду жизни и сделать героя счастливым. Казалось бы, все возможности для этого нашлись: герой нежданно-негаданно получил большое наследство, его любят две красивейшие женщины – но счастья нет, и горести, свалившиеся на князя Мышкина, возвращают его в то болезненное состояние, в котором он провел свою молодость [Долина 1980: 195].

Роман о прекрасном человеке и безобразном мире оказался в конечном счете безысходнее рассказа об убийце и бунтаре Раскольникове: в «Идиоте» отсутствует обещание новой светлой повести [Туниманов 1994: 18].

В этом произведении видна литературная компиляция, содержащая толпу характеров и абсурдных событий и лишенную всякой художественной заботы. Есть в произведениях Достоевского целые страницы, которые непонятны [Труайя 2003: 351].

На основании анализа функционирования имен героев в тексте романа Ф.М. Достоевского «Идиот» делается вывод, что имена и фамилии соотносятся с эмоциональной и рациональной логикой авторских образов, служат авторской идее, углубляя и усиливая ее.

Часть работ исследователей творчества Ф.М. Достоевского посвящена разгадыванию смысла, который великий русский писатель заключил в именах героев своих произведений, в том числе и самого загадочного романа «Идиот». Предлагаются все новые и новые их значения и прочтения.

Писатель дает имя герою, ориентируясь на значение имени, отношение к нему, а также идею произведения, поэтому практически в каждом имени, слове, используемом автором, заключено и рациональное, и эмоциональное.

В подготовительных материалах к роману встречаем не столько имена, сколько обозначение родственного или социального статуса: «Мать», «Сын», «Дядя», «Генерал», «Генеральша», «Князь». В других случаях даны имена и фамилии, под которыми герои будут выведены в романе: «Птицын», «Ганечка»...

3.2 Характеристика главного героя романа и анализ его имени

Имена главных героев – Лев Николаевич Мышкин, Настасья Филипповна Барашкова – полны глубокого смысла, несут в себе авторскую идею, рациональное. Сложнее обстоит с другими персонажами. Интересно, что в подготовительных материалах нет ни имени, ни отчества, ни фамилии главного героя; вначале он назван Идиотом, потом Князем, Князем Христом, Князем. Возникает гипотеза, что Ф.М. Достоевский дает ему имя в последний момент, уже при написании романа.

Прообразом отношений князя с Настасьей Филипповной Достоевский считал Евангельское повествование, которое он называл Сценой в Храме. В житиях юродивых неоднократно встречаются повествования спасения ими блудных женщин, преображение поруганной, потерявшей себя женщины верой другого в нее. Эрос земной был исключен [Кириллова 2010: 97].

Остается личина юродства, жуткая в своем бессмысленном подражании подлинному юродству. Образ, животворимый духовным содержанием, при срыве этого духовного начала превращается в пародию. Происходит разрыв между прообразом и образом, уже не являющим «отображение» духовного начала. Этот пародийный образ – гротесковый, ибо духовная опустошенность лишена красоты и внутренней гармонии, и

трагичен своим жалким, искаженным напоминанием о прежнем духовно определяемом образе [Кириллова 2010: 101].

Дон Кихот и князь Мышкин стремятся спасти души и тела своих ближних, «воскрешать» их, восстанавливать справедливость, помогать страдающим и обиженным. При этом они отдаются своей миссии беззаветно, вплоть до готовности «пожертвовать собой». В подготовительных материалах к роману «Идиот» Достоевский трижды назвал своего героя «Князь Христос» [Степанян 2013: 100].

Найдены возможные прототипы Мышкина, толкователи обращали внимание на заметный автобиографический элемент в образе: писатель наделил героя своей болезнью, в ряде эпизодов из уст Мышкина звучат идеи, близкие самому писателю. К центральной фигуре романа применимы историко-культурные и даже социологические определения: «русский дворянин «петербургского периода», европеец, оторванный от почвы и от народа», «разночинец», «аристократ-демократ», «кающийся дворянин» (обоснованность этого определения подтверждается всей судьбой тезки Мышкина графа Льва Николаевича Толстого) [Сорокина 1964: 148].

Парадоксальное несоответствие, противоречие пронизывают образ изначально: Лев, но – Мышкин! Душевная гармония, способность быть счастливым и радоваться жизни, любовь к людям, общительность и – болезнь, постоянно подстерегающая героя, припадки эпилепсии, которые приносят не только «высшие минуты» сверхзнания, но и «отупление, душевный мрак, идиотизм» [Щенников 2008: 96].

Образ Мышкина строится на противоположностях, характер героя несет в себе растянутый диапазон возможностей, часто полярных.

В «главном сюжете» Идиота ощущается проявление идеи «русского Христа». Мифологема «Князь Христос» может быть прочитана именно так. В мире Достоевского «князь» - символ «почвенности», «русскости» героя. Возможность прочтения «Князь Христос» как «русский Христос» косвенно

подтверждается временем появления этой записи в блоке набросков, датируемых с 21 марта по 10 апреля 1868 года. Именно в это время сформировалась реализованная в трех последних частях романа тема «Мышкин и Россия», именно в них тема Мессии преобразуется в тему русского Мессии и национального мессианства [Щенников 2008: 100].

Трактовки исследователей подчас радикально порывают с авторским пониманием главного героя, как оно сформулировано в письмах Достоевского. Претензиям в адрес Мышкина нет числа. Их коллекцию можно начать с оценок Л. Шестова: «жалкая тень», «холодное бескровное провидение», «чистейший нуль», «китайский болванчик», клонящийся то в сторону Аглаи, то в сторону Настасьи Филипповны. Запутался в отношениях между двумя женщинами, испытывает «суррогатную любовь-жалость», проявил «мышиную» беспомощность [Щенников 2008: 107].

3.3 Второстепенные персонажи романа и их имена

Рогожин Парфен Семенович

Имена главных героев полны глубокого смысла, несут в себе авторскую идею, соотносятся с эмоциональной и рациональной логикой авторских образов, служат авторской идее, углубляя и усиливая ее.

К.В. Мочульский сравнил его с Раскольниковым: это «тоже трагический герой, попавший во власть рока; он тоже борется с ним и гибнет в этой борьбе» [Щенников 2008: 104].

Герой, который заслуживает пристального внимания, конечно же, Рогожин. Встреча молодых людей в вагоне поезда – это столкновение возвышенно-нереального князя Мышкина, «последнего в своем роде», идущего к людям, и Парфена Рогожина, слишком земного и реального; они противопоставлены.

Рогожина нет в подготовительных материалах и, вероятно, ни он, ни подобный ему герой не мыслился еще автором. Он появится позже, и сразу

будет названа фамилия – Рогожин, причем его появление должно было быть обставлено весьма эффектно. Без сомнения, его характер был разработан уже в период самого написания романа. Имени «Парфен» в предварительных материалах мы не найдем, как не найдем и его отчества.

Фамилия, как полагает Альтман, связана с известным московским Рогожским кладбищем, что вполне логично вытекает из образа жизни его семьи и того, что его отец не из старообрядцев, но «говорил, что по старой вере правильнее», содержит также намек и на московское купечество. Но думается, что это верно лишь отчасти. В.И. Даль в своем знаменитом «Словаре живого великорусского языка» приводит замечательные русские поговорки: «Не заворачивай рожу под рогожу», «С твоей бы рожей – сидел бы под рогожей». Обыгрываются слова «рогожа» и «рожа», а рогожа – «ткань, плетенка, полость из рогозы», т.е. из болотного растения, к тому же Рогожин «черномазый» и «черноволосый», на что неоднократно указано в начале романа. Поэтому, при первом появлении героя обыгрывается его «низкое» происхождение, автор намеренно снижает его образ. Позже к Парфену, да и к Аглае Епанчиной, можно применить другую поговорку: «Не к роже рогожа, не лицу епанча», характеризующая их как героев, которые «выломались» из своей среды, порвали со своим социальным окружением. Все же более важно чередование «рожа – рогожа», что создает негативное впечатление о герое на эмоциональном уровне. Имя отца – Семен – «слышащий, услышавший», однако отчество практически отсутствует в тексте романа, более значимы фамилия и имя.

«Парфений, из греч. целомудренный, девственный, разг. Парфен». Часто имя переводят как «девственник». Это соответствует авторской логике образа, так как он был строго воспитан отцом. К тому же в романе два «девственника»: Рогожин и Мышкин (если не считать Ипполита), но важно другое: их зовут Парфен Семенович и Лев Николаевич, отцов – Семен Парфенович и Николай Львович, Парфен живет в доме, который построил

его дед, тоже Парфен. Князь Мышкин не знал своего отца. Рогожин порывает со своей средой из-за любви-страсти к Настасье Филипповне, но полностью освободиться от образа жизни своей семьи не может. Парфений – «девственный, нетронутый», необразованный, «ничему никогда не обучался» - возможно и такое прочтение имени.

Барашкова Настасья Филлиповна

Настасья – "воскресшая", фамилия (барашек, агнец) наталкивает на мысль о беззащитности, жертвенности (возможна даже некоторая отсылка к Богородице). Имя прочитывается как "Воскресший Агнец". Как видно, Настасья Филипповна – натура очень противоречивая, причем противоречивость эта проявляется не только в ее поведении и необъяснимых поступках, конфликтуют также плотское и духовное начала (недостойная роль содержанки в жизни, но возвышенная, почти святая духовная сторона) [Степанян 2013: 103].

Настасья – народная, разговорная, просторечная форма документального имени Анастасия. Образуется изменением начальных звуков имени – Настасья от Анастасия [Петровский 2004: 15].

Фамилию Настасьи Филипповны — Барашкова — можно считать «говорящей». Рогожин и вправду преследует ее, как охотник — добычу. Но оба они оказываются в страшном и мрачном тупике, и Рогожин своим ножом ставит предел ее жизни, но на самом деле причина ее смерти в том, что она сама отказалась от будущего. Она не умеет реагировать на новые обстоятельства, она всегда пребывает в состоянии бешеной злобы — вот ее идентичность, и в этом состоит ее несчастье. Аглая говорит Настасье Филипповне: «Вы могли полюбить один свой позор и непрерывную мысль о том, что вы опозорены и что вас оскорбили».

3.4 Эпизодические персонажи романа и их имена

Епанчины

Семья Епанчиных – в центре романа. Исходя из значения слова «епанча» («широкий безрукавый плащ, круглый плащ, накидочка»), можно предположить, что все представители этой семьи «прикрыты», но это относится, как полагаем, больше к Аглае, которая скрывает свои эмоции, внутренний мир, к Лизавете Прокофьевне, которая всего добрее, когда злится.

Иван («милосерден, милость Божия, Бог благоволит») – это русский вариант имени Иоханан (древнеевр.), Иоанн (греч.); Федор – «Божий дар» (греч.). Лизавета – народный вариант имени Елизаветы («Бога моего клятва» (древнеевр.)), Прокофьевна («успех, преуспевание» (греч.)). Имена эти воспринимаются как русские, и в романе подчеркивается, что Епанчины богаты, но не родовиты. Но, действительно, и Бог, и люди «благоволят» им и имеют успех в обществе. Имя «Иван» и отчество «Прокофьевна» при раскрытии их смысла в контексте романа (и особенно первой его части) удивительно созвучны [Туниманов 1994: 25].

Совершенно по-другому можно трактовать имена их дочерей. Александра – «защитница, мужественная» (греч.). Аделаида – «благородное сословие» (древнегерм.), в примечаниях к роману – «неяркая, незаметная», вероятно, по контрасту с Аглаей.

Сестры Александра, Аделаида, Аглая внешне очень похожи; их роднят и имена, которые начинаются с [а], у старшей – самое длинное имя, у младшей – самое короткое. Поразительна фоника этих имен: в каждом из них, кроме начального открытого [а], есть и другой [а] (причем у младшей и старшей ударный), а также сонорный плавный [л]; в именах Аделаида и Аглая слог –ла-, за начальным гласным следуют взрывные [д] и [г]; в имени Александра взрывной [д] находится в конце слова, начало же более плавное и благозвучное. В именах Александра и Аделаида на одном месте (третий звук) находится редуцированный гласный [иЭ], или [и]. Исходя из выше

сказанного, важно не только смысловое восприятие их как сестер, но и эмоциональное, основанное на близости звучания их имен и допускающее уменьшительно-ласкательных наименований.

О функционировании в тексте имени Аглая написано достаточно. Обратим внимание на то, что в примечаниях к роману указано, что «само имя героини... обозначает «сияющая», «светоносная», из других источников – «блистающая, великолепная», и в этом имени заключено и эмоциональное, и рациональное... Но может быть и другое прочтение и значение имени – «внешний блеск», «ложный свет», «наружный свет».

Иволгин Гаврила Ардалионович

Интерес представляет имя их сына Гаврилы Ардалионовича Иволгина. Гавриил – «моя сила – Бог» (древнеевр.). В подготовительных материалах он назван Ганечкой, но, судя по характеристике, это будущий князь Мышкин, ему же отведена другая роль в окончательной редакции романа. Гаврила – простонародный русский вариант имени, стилистически сниженный. При первом появлении на страницах романа он назван по имени и отчеству, но в дальнейшем чаще звучит только имя: «Ганя», «Ганечка», «Ганька»... Как полагаем, в этом именовании нет ласки, хотя вариант уменьшительно-ласкательный, как нет и уважения. Если толковать его имя как «посланник, муж Божий, крепость Божия», тогда его имя звучит со скрытой авторской насмешкой, которую невозможно не почувствовать. И автор, и окружающие героя персонажи указывают на сниженность этого образа, негативное эмоционально-оценочное отношение к нему.

Гаврил (от Гавриил). Это производная форма от документального имени, образовавшаяся в речи (разговорная форма имени). Эти формы также могут становиться документальными. Изменения, происходящие при образовании этой формы, сравнительно небольшие: утрата окончания, замена отдельных звуков. Общая тенденция – упрощение имени для удоб-

ства произношения, быстроты названия. Например, Катерина (от Екатерина), Лизавета (от Елизавета) [Петровский 2004: 14].

Лебедевы

В романе показана семья чиновника Лебедева, человека, на первый взгляд, несимпатичного, желающего все обо всех знать, шута и «кривляки», способного на подлость, но... глубоко страдающего, любящего свою семью. Фигура Лебедева двойственна, сложна. Кажется странным, что писатель дает возможность этому герою, пьянице и ростовщику, высказывать свои заветные мысли, соперничать по знанию людей, проникновению в «тайное» с главным героем. Ответ, думается, нужно искать в значении имени. Итак, Лукьян Тимофеевич Лебедев. Лука – от латинского «свет», но Лукьян – «относящийся к Луке, сын Луки». Тимофей – «почитающий Бога, богобоязненный», «Тимофей рус. [из греч. Timoteos: timao почитать + teos Бог]». И оказывается, что Лебедев не «гениальный предатель», не «кривляка», шут и пьяница, а сын Луки, почитающий Бога, человек глубоко религиозный, богобоязненный, образованный, умный. Совершенно уничтожается эмоционально-негативное восприятие этого героя после прочтения первой части романа, если вскрыть значение его имени и рассмотреть его дальнейшее поведение. Его «птичья» фамилия на фоне имени и отчества эмоционально воспринимается как что-то русское, чистое, светлое... Теперь становится ясно, почему Ф.М. Достоевский заменил имя Степан (древнегреч. «венки»), которое не несло такой информации о «господине всезнайке», носящем личину.

Имя его старшей дочери – Вера, младшей – Любовь, их представляет отец; средняя не представлена, как не называет он по имени сына и племянника. Возникает в памяти известная христианская легенда, но... среднюю дочь зовут Татьяна, «новопреставленную» жену его – Елена (греч.

«солнечная, светлая»), чем нарушается сопоставление с легендой. О сыне и средней дочери говорится мало, указывается только их поведение. Вера же носит на руках младшую сестру Любочку, показана с ней и без нее. После «солнечного» окружения Лебедев все больше пьет, но рядом с ним и в нем и в прямом и в переносном смысле Вера и Любовь [Степанян 2013: 114].

Напрашивается аналогия между семьями Лебедева и Иволгина. Лукьян («свет») Тимофеевич без Елены («светлой, солнечной») скорбит, плачет, молится, пьет; «Нина Александровна горько плакала втихомолку (что даже удивляло домашних) и, вечно хвоя, таскалась, как только могла чаще, к мужу на свидание в Измайловский полк». У них с мужем одинаковое отчество, они духовно родственны, что дает понять автор и чего не понимают их дети.

3.5 Вывод

Анализ имен собственных романа «Идиот» позволяет более глубоко понять героев романа, сформировать определенное мнение о личности и характере персонажей, погрузиться в форму мышления людей той России.

Имена и фамилии героев романа «Идиот» соотносятся с эмоциональной и рациональной логикой авторских образов, служат авторской идее, углубляя и усиливая ее.

Имя главного героя включает внутреннее противоречие, отсылки к великим людям, прототипы.

В подготовительных материалах нет ни имени, ни отчества, ни фамилии главного героя; вначале он назван Идиотом, потом Князем, Князем Христом, Князем. Парадоксальное несоответствие, противоречие пронизывают образ изначально: Лев, но – Мышкин! Найдены возможные прототипы Мышкина, толкователи обращали внимание на заметный автобиографический элемент в образе: писатель наделил героя своей болезнью, в ряде эпизодов из уст Мышкина звучат идеи, близкие самому писателю.

Второстепенные герои также несут внутренний смысл, авторскую идею: внутренняя семантика имени (Рогожин, Барашкова, Епанчины), упрощение имени (Настасья), стилистическое снижение имени (Гаврила).

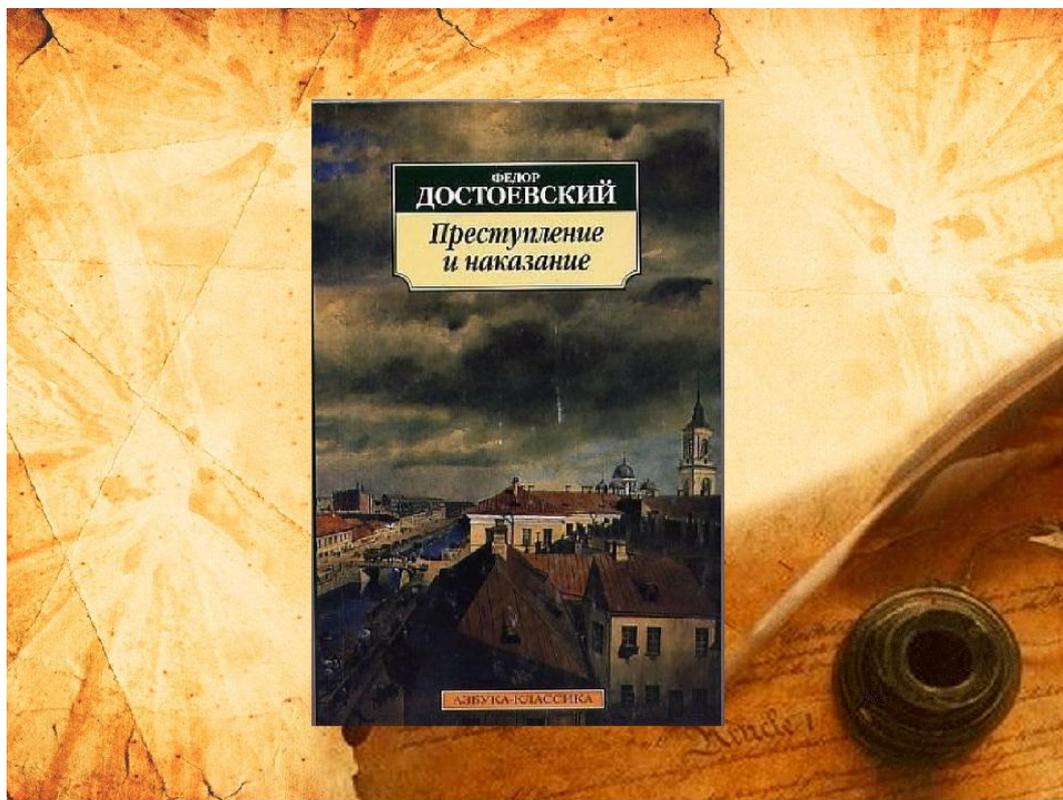
Фамилия Рогожина Парфена Семеновича связана с известным московским Рогожским кладбищем, что вполне логично вытекает из образа жизни его семьи и того, что его отец не из старообрядцев, но «говорил, что по старой вере правильнее», содержит также намек и на московское купечество. «Не заворачивай рожу под рогожу», «С твоей бы рожей – сидел бы под рогожей». Обыгрываются слова «рогожа» и «рожа», а рогожа – «ткань, плетенка, полость из рогозы», т.е. из болотного растения, к тому же Рогожин «черномазый» и «черноволосый», на что неоднократно указано в начале романа.

Настасья – «воскресшая», фамилия (барашек, агнец) наталкивает на мысль о беззащитности, жертвенности (возможна даже некоторая отсылка к Богородице). Имя прочитывается как «Воскресший Агнец». Как видно, Настасья Филипповна – натура очень противоречивая, причем противоречивость эта проявляется не только в ее поведении и необъяснимых поступках, конфликтуют также плотское и духовное начала (недостойная роль содержанки в жизни, но возвышенная, почти святая духовная сторона).

Через имена в романе передаются социальные характеристики героев, психологические особенности, отражение культуры определенного периода.

Глава 4. Материалы для факультативного курса в средней школе

Урок по литературе в 10 классе

Тема, класс:	Имена собственные в романе Достоевского Ф.М. «Преступление и наказание».
Тип:	Урок изучения нового материала.
Цель:	Сформировать знания о значениях имен собственных в романе «Преступление и наказание».

<p>Задачи:</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Образовательные: • Рассмотреть историческое отражение в именах героев. • Рассмотреть культурное отражение в именах героев. • Познакомить с именами главных героев. • Познакомить с именами второстепенных героев. • Развивающие: • Развитие логики, критического мышления, читательской наблюдательности. • Умение оценивать художественное произведение, понимать авторский замысел. • Умение опираться на свой субъективный опыт. • Воспитательные: • Воспитание милосердия, доброты, умение сострадать. • Воспитание ценностного отношения к слову. •
<p>Методы:</p>	<p>Проблемно-поисковый, исследовательский</p>

Планируемые результаты:

- **Предметные:**
- Воспитание квалифицированного читателя, владеющего основными стратегиями чтения, способного аргументировать свое мнение.
- Оформлять его словесно в устных и письменных высказываниях разных жанров.
- Создавать развернутые монологичные высказывания аналитического и интерпретирующего характера.
- **Метапредметные:**
- Научится соотносить содержание литературного произведения с определенной исторической эпохой, с различными художественными ценностями культуры: произведениями изобразительного искусства, музыкальными произведениями.
- **Личностные:**
- Возможность научиться вести коммуникативную деятельность.
- Устанавливать связь между целью своей деятельности и ее мотивом.

1. Мотивационный этап.

Здравствуйте, садитесь! Давайте улыбнемся друг другу. Пусть сегодняшний урок принесет нам всем радость общения.

Сегодня, ребята, вас ожидает много интересных заданий, новых открытий, а помощниками вам будут внимание, находчивость и смекалка.

2. Этап актуализации знаний по предложенной теме.

Ф.М. Достоевский, русский писатель, мыслитель, философ, публицист, в одном из своих произведений однажды выразил такую мысль: «Во всем есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно». Как вы понимаете данную фразу?

Тема урока: «Имена собственные в романе Достоевского Ф.М. «Преступление и наказание».

Помните ли вы сюжет романа?

Много ли имен собственных вы помните?

Как зовут главного героя?

Помните ли имена второстепенных персонажей?

Наша цель – это понять смысл этих имен. Почему Достоевский использовал именно эти имена?

3. Выявление затруднения.

Что такое ономастика?

Что такое литературная ономастика?

Для чего нам изучать имена собственные в литературных произведениях?

Что могут обозначать имена главных героев?

Раскольников Родион Романович.

Мармеладова Соня.

Порфирий Петрович.

4. Проект по выходу из сложившегося затруднения.

Раскольников Родион Романович

Раскол (старообрядство, староверие) – течение, возникшее в середине 17 века в русской церкви как протест против новшеств патриарха Никона (1605 – 1681), которые заключались в исправлении церковных книг и некоторых церковных обычаев и обрядов.

Фамилия героя указывает на мучительное раздвоение его личности, раскол души героя на две половинки. Одна часть души его – бескорытна и по-детски невинна (детская улыбка Раскольникова, детский плач его в первом сне), другая – холодна, самолюбива, переполнена эгоизмом.

Имя Родион греческого происхождения. Остров Родос славился великими полководцами, так здесь возникает мотив сильных людей, которые смогли переступить через кровь и страдания.

Отчество Романович. Роман в переводе с латинского означает «римлян», происходит от греческого «крепость», «сила». В романе говорится, что Рас-

кольников хотел силу в себе испытать и крепость духа, хотел «Наполеоном сделаться».

Мармеладова Соня

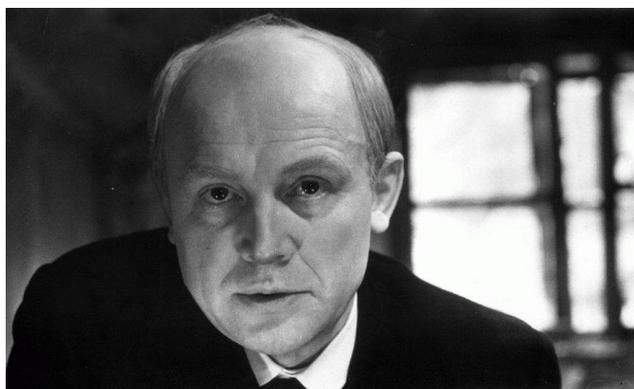
София, Софья – это одно из любимых имен Достоевского. Имя это означает «мудрость», «разумность», «наука». И, действительно, в душе Сони Мармеладовой заключена такая неизбывная мудрость, такое величие, как и в Библии, в древнейшей книге, известной человечеству.

Мармеладов Семен Захарович

С фамилией Семена Захаровича нет прямых ассоциаций. Возможен такой вариант: «мармелад» - это сладость, мягкая, желеобразная. Очень (даже слишком) сладкий продукт, как и герой романа, его душа не пропитана желчью мира, но жизнь приторна. Основное качество мармелада «мягкий» соответствует чертам характера героя и его манере изъясняться.

Порфирий Петрович

В имени и отчестве, возможно, есть намек на монаршую власть – порфира (пурпурная мантия монарха) и Петр (первый русский император). Порфирий Петрович – единственный крупный персонаж «Преступления и наказания», не получивший фамилии. Это указывает не только на обособленность его функции в романе и фундаментальную загадочность его образа, так до

конца и не раскрытого, но и на интимность и непосредственность изображения Порфирия, не нуждающегося в установлении фамильных уз.

Разумихин

Сама фамилия Разумихина подчеркивается постоянно и многообразно: Лужин, ошибаясь, называет Разумихина «Рассудкиным», а Свидригайлов говорит: «Я слышал что-то о каком-то господине Разумихине. Он малый, говорят, рассудительный (что и фамилия его показывает)». Разумихин вовсе не разумный, а всего лишь рассудительный человек, «господин Рассудкин», как его аттестуют, хотя и пренебрежительно, но в конечном счете справедливо, и Лужин, и Свидригайлов.

5. Закрепление нового знания.

Для закрепления материала необходимо ответить на вопросы.

Что означает фамилия главного героя Раскольникова?

В чем раскол души, раздвоение личности Раскольникова?

Что означает имя Софья?

Почему Достоевский в романе чаще употребляет имя Соня, Сонечка, а не Софья?

Какие черты характера Семена Мармеладова отражаются в его фамилии?

Что такое порфира? Мантия монарха/ Атрибуты священника/ Шапочка папы римского/

Как сам Разумихин называет свою фамилию?

Правда ли, что у Разумихина была вторая фамилия – Рассудкин?

6. Самостоятельная работа.

Необходимо самостоятельно разбить на категории все имена собственные романа: главный герой, первостепенные герои, эпизодические герои.

7. Рефлексия деятельности. Итоги урока.

Какую цель мы ставили в начале урока?

Почему Достоевский использует в своих произведениях «говорящие» фамилии?

Что нового вы узнали на этом уроке?

8. Домашнее задание.

Заключение

Важнейшим элементом композиции образа героя является имя, в котором часто заключена онтологическая суть образа. Имена героев Достоевского зачастую отображают символично-мифологическую структуру романов, намечают важнейшие грани характеров персонажей, их функцию в сюжете, высвечивают авторскую позицию по отношению к ним и выражаемым ими идеям, или, наконец, указывают на их собственную принадлежность. В итоге, ономастикой автор выражает идею всего произведения.

Отличительными чертами великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского являются глубина, проникновенность, нравственная сила, недаром именно от него пошло философское течение «почвенничество».

Фамилия Раскольников отражает внутренние психологические особенности. Он расколот на две части. Фамилия Мармеладов ассоциируется со сладостью, с мягкостью, но через призму оптимистичного Достоевский показывает пессимистичную действительность.

Роман о прекрасном человеке Льве Мышкине и безобразном мире оказался в конечном счете безысходнее рассказа об убийце и бунтаре Раскольникове: в «Идиоте» отсутствует обещание новой светлой повести.

В подготовительных материалах нет ни имени, ни отчества, ни фамилии главного героя; вначале он назван Идиотом, потом Князем, Князем Христом, Князем. Парадоксальное несоответствие, противоречие пронизывают образ изначально: Лев, но – Мышкин! Фамилия Рогожина Парфена Семеновича связана с известным московским Рогожским кладбищем, что вполне логично вытекает из образа жизни его семьи и того, что его отец не из старообрядцев.

Исследуя данный аспект в романе «Преступление и наказание» и романа «Идиот», взятых для анализа, можно выявить следующие группы именованных:

Исторический аспект

- Прототипы (соседи, друзья, персонажи других произведений);
- Исторические события (воссоздание исторической правды);
- Описательные (для обозначения места или действия, передать местный и национальный колорит).

Культурный аспект

- Социальная характеристика (проститутка);
- Психологические особенности (внутренние состояния);
- Культурная (отражение культуры определенного периода);
- Структурные особенности (фонетическая, морфологическая);

Список литературы

1. Альтман М.С. Достоевский по вехам имен. – Саратов, 1975. – 282 с.
2. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарии. – Л.: Просвещение, 1979. – 240 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. – Л.: Наука, 1972-1976.
4. Зинин С.И. Из истории лексикографирования собственных имен художественной литературы: научные труды ТашГУ. – Ташкент, 1980. Вып. 629. – 83-89 с.
5. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в литературе. – Onomastica, 1986. Т. XXXI. – 6-22 с.
6. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. – М.: Современный писатель, 1974. – 414 с.
7. Лошкарёва А.С. Мистика и символизм в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». [Текст] – Липецк, 2007.
8. Михайлов В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте. Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1987. №6. – 78-82 с.
9. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1996. – 438 с.
10. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
11. Селезнев Ю.И. В мире Достоевского. – М.: Современник, 1980. – 345 с.

12. Сивцова А.А. Имена собственные в лирике Н.И Рыленкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2008. – 24 с.
13. Силаева Г.А. О содержании понятия «литературный антропоним». Русская ономастика. – Рязань, 1977. – 152 с.
14. Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь античности. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
15. Соловьева М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.
16. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
17. Теория и методика ономастических исследований. Отв. ред. А.П. Непокупный. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
18. Тихомиров Б.Н. Лазарь! Гряди вон. Книга – комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005.
19. Тихонов А.Н. Словарь русских личных имен. – М.: Школа-пресс, 1995. – 736 с.
20. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте – Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.
21. Хализев Д.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002. – 438 с.
22. ПСС, 7 – Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 7. Преступление и наказание. Рукописные редакции. Подгот. Текстов и примеч. Л.Д. Опульской, Г.Ф. Коган, А.Л. Григорьева, Г.М. Фридлиндера. Л., «Наука», 1973.

23. Бем. Личные имена. – Бем А.Л. Личные имена у Достоевского – 1972 – 244 – 286 с.
24. Достоевский и его время – Достоевский и его время. Л., «Наука», 1971.
25. Гроссман. Город и люди. – Л.Г. Гроссман. Город и люди «Преступления и наказания» - М., Гослитиздат, 1935. – 5 – 52 с.
26. Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского (1506 – 1933). М., 1933. – 355 с.
27. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления. 1973. – 302 с.
28. Данилов В.В. К вопросу о композиционных приемах в «Преступлении и наказании» Достоевского. 1933. – 263 с.
29. Анциферов Н.П. Петербург Достоевского. Спб., Брокгауз – Ефрон, 1923. – 120 с.
30. Тынянов Ю. Достоевский и Гоголь. Спб, 1921. – 46 с.
31. Мейер Г.А. Свет в ночи (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне, 1967. – 517 с.
32. Альтман М.С. Имена и прототипы литературных героев Достоевского – Саратов, 1972. – 248 с.
33. Назиров Р.Г. Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» - Л., «Наука», 1976 – 95 с.
34. Брецинский Д.Н. Порфирий Петрович. Художественный образ и композиционная функция следователя в «Преступлении и наказании» Достоевского – Торонто, «Современник», 1971 – 150 с.

35. Достоевский Ф.М. Туниманов В. Идиот. – М.: Самарский Дом печати, 1994 – 528 с.
36. Труайя А. Федор Достоевский. – М.: Эксмо, 2003 – 480 с.
37. Сорокина Д.Л. Об одном из источников образа Льва Николаевича Мышкина. – Учен. Зап. Томск. Гос. Ун-та. Вопросы художественного метода и стиля, 1964, № 48, с. 145 – 151.
38. Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. – М.: Центр книги ВГБИЛ, 2010 – 160 с.
39. Степанян К.А. Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. – М.: Языки славянской культуры, 2013 – 268 с.
40. Щенников Г.К, Тихомиров Б. Н. Достоевский: Сочинения, письма, документы. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008 – 470 с.
41. Долина Н. Предисловие к Достоевскому – Ленинград: «Детская литература», 1980 – 254 с.
42. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен – М: Прогресс, 2004 – 384 с.